

Inga Blum

Хаварты

Книга Первая

Дара

18+

Inga Blum

Дара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68970960

SelfPub; 2023

Аннотация

Когда Свет и Тьма объединятся, когда народ пустыни будет жить за каменными стенами, родится новый народ, который покорит мир. Сбудется ли это пророчество? Зависит от одной хрупкой девушки с волосами спелой пшеницы. Девушки, выросшей на коленях отца, Девушки способной уничтожить мир.

Содержание

Глава 1. Дара	5
Глава 2. Темница	17
Глава 3. Свадьба	24
Глава 4. Поиски	31
Глава 5. Хаварт	38
Глава 6. Рэдгар	44
Глава 7. Ритуал	54
Глава 8. Свет и Тьма	64
Глава 9. Лохем	73
Глава 10. Справедливость	82
Глава 11. Страх	84
Глава 12. Резня	91
Глава 13. Потоп	99
Глава 14. Убежище.	106
Глава 15. Отшельник	112
Глава 16. Колдун	121
Глава 17. Изменения	129
Глава 18. Беременность	134
Глава 19. Учеба	140
Глава 20. Свобода	148
Глава 21. Возвращение	153
Глава 22. Роды	160
Глава 23. Решение	167

Inga Blum

Дара

Глава 1. Дара

Она лежала на соломе в каком-то помещении. Пахло прелею и мышами.

Под потолком виднелось зарешеченное окно, через которое едва пробивался свет месяца. Если бы был день, то можно было бы осмотреться, но сейчас все тонуло в темноте. В ушах звенело. Губы запеклись от крови. От удара, свалившего её с ног, на голове осталась огромная шишка.

– Хорошо, хоть по лицу не били, – подумала девушка, – А ведь за нападение на Князя, могли и убить.

Последнее, что она помнила, – как плюнула ему в лицо, и всадник, привёзший ее в город, ударил мечом, плашмя, по затылку.

Мысли в голове ворочались медленные, тяжелые. И сейчас она вряд ли бы ответила себе на вопрос, зачем пошла за Лейлой в рощу. Какая-то тайна? Подруга смешно округляла глаза и шепотом обещала что-то рассказать. Проклятое любопытство! Далась ей эта тайна!

А ведь утро начиналось так прекрасно. Наступил летний

месяц и в день Солнцестояния старейшины разрешили провести праздник. Праздник выбора Пары.

Их народ жил кочевой жизнью, стада, гонимые пастухами, перемещались по огромной равнине, тянущейся от гор до самого моря. Следом, с места на места кочевал народ.

Отец говорил, что земля принадлежит всем. И у племени, несущего Благодать своя обязанность на этой земле. Они не закрывались в каменных городах, не окружали себя стенами. Лагерь стоял свободно, колыхаясь шатрами, по периметру окруженный воинами. Пришлых внутрь не пускали, воровства не было.

Раз в год стан поднимался и перекочевывал на новое место, оставляя за собой источник, поселение из тех, кто не вошёл в народ, и мирный договор, заключенный, на все времена. Договор, скрепленный кровью.

По ночам, у костров, зажигаемых воинами, слышались шутки, лязг железа, – женщин туда не допускали. Даже еду воины готовили себе сами. Наняться воином было нельзя. Их тренировали с детства, разглядев ту черную огненную сердцевину, что не знала страха, не боялась лишений и толкала в драку, в бой, в сражение, забирая разум и заставляя переступить через самую главную черту, – запрет убийства. Сердцевина эта горела чёрным и Вождь, разглядев её в ребёнке, приведённом на Праздник трёхлетия, вручал мальчику первый его меч, давая внутреннему огню Цель, – защи-

щать, поднимая инстинкт на другой уровень, заставляя Тьму служить Свету.

Хаварты не поклонялись Тьме, не отрицали её, но облачали в Свет, научившись соединять внутри души все её свойства. Обжора становился Поваром, скряга Казначеем, а драчун Воином; обучение длилось иногда всю жизнь и клятву верности приносили не Вождю или Старейшинам, но всему народу.

Один из её братьев тоже был воином, и Дара много раз просила у отца разрешения посидеть с ним ночью у костра в карауле, – но нет. Это невозможно для женщины. Её место, – в шатре.

Самым большим событием в жизни девушки были праздники. Сбор урожая, создание новой пары, рождение ребёнка, – да мало ли поводов собраться семьей и возблагодарить Милосердного за Благодать?

Но на Солнцестояние всегда устраивали праздник за пределами стана. Без пригляда старейшин. И это было по-настоящему весело. Не будет нудных братьев, не будет постоянного контроля отца.

Праздник был отдушиной, чем-то невозможным в череде длинных летних дней, наполненных делами и учёбой.

В их народе женщин тоже учили, и не только, читать и писать. Нужно было уметь вылечить рану, заговорить боль, различать травы, говорить на языках местных народов; нужно было уметь понимать по поведению птиц, – приближение до-

жды, а по легкому мареву на горизонте, – приближение пыльной бури. Жизнь текла привычно, размеренно, наполненная делами и обязанностями. А сердце звенело натянутой струной в предвкушении чего-то нового.

«Ты будешь Матерью народа», – когда-то сказал ей отец, погладив по голове и передав пророчество матери. Это было в день, когда она стала девушкой, и внутренняя суть её перестала зависеть от сути отца. С этого возраста девушек можно было сватать.

Даре подчинялась вода. И она была единственной в этом. Единственной девочкой в семье. Красавицей, не знавшей ни в чём отказа, младшей. А братьев было шесть. Голос, Воин, Кузнец, Охотник, Торговец и ее любимый брат-близнец-Сновидец. У каждого была своя стезя.

«Учи ребенка по пути его» – отец умел видеть суть каждого.

Гарон и Лохем могли вдвоем вырезать город, случись кому-то объявить им войну.

У Края меч пел в руках. Оружие, сделанное им, не тупилось; он умел ковать его так, что сталь выдерживала любой удар. Девушка иногда тайком сбегала к нему в кузницу и как зачарованная смотрела на раскаленный металл, который подчинялся Краю так же, как и ей подчинялась вода. Её брат всегда знал, есть ли в земле металл и какой именно; у племени не было проблем ни с оружием, ни с посудой, ни

с украшениями.

Лойд умел продать их так, что за любой, даже самый пустячный предмет платили золотом. Сказать по правде, пустячных предметов из кузницы не выходило. Мечи не тупились, украшения не тускнели, посуда передавалась из поколения в поколение.

Но Благодать давалась только женщинам. Сколько воды даст земля, сколько детей родится на следующий год.

Бабка Дары, красивейшая женщина в своё время, была повитухой. Пальцы её, до сих пор ловкие и сильные, казалось обладали волшебством.

Роженицы в их племени не умирали, а над младенцами, случись им родиться больными, повитуха шептала какие-то певучие, длинные молитвы, вытаскивая всю хворь. Так что младенцы не умирали тоже.

А Даре подчинялась вода. Куда бы ни пришло племя, девушка всегда знала, где проходит подземный источник, как призвать воду и обустроить хранилище.

Рядом строили поилки для животных, колодец для общих нужд и купальни. Народ пустыни умел мыться, в отличие от своих соседей. Поэтому и взрослые и дети болели редко. Раны не заражались, а инфекции не распространялись. Заболевших отделяли за границу стана под присмотр Врачевателя.

Совсем недавно племя устроилось на новом месте. Ста-

рейшины разрешили молодым выйти в поле, устроить танцы, зажечь костры, найти себе пару. Время свадеб через два полных оборота луны.

Когда Дара распускала волосы утром, украшая голову венком, – братья взбунтовались. Отец уже почти сговорил ей мужа. Зачем идти на праздник? Но девушка фыркнула. Всё равно её не отдадут против воли. А ей не нравился заучка Тике, сын старейшины, всегда сидевший на занятиях ближе всех к отцу. Сердце ждало кого-то сильного, мужественного, а не юноши, не спускающего с него взгляда всю ее жизнь, начиная с тех пор, когда она, совсем маленькой, сидела на коленях у отца. Он был милый, застенчивый, но... сердце ждало любви.

Громче всех возмущался Лохем. Она была его любимицей, и он, второй по старшинству, никак не мог найти себе пару, сравнивая всех со своей сестрой. Но и его она уговорила, заглянув в глаза и честно-честно пообещав вести себя примерно. Тем более, что Лохем тоже будет на празднике. В последнее время он все чаще поглядывал на Лейлу, стараясь оказаться рядом каждый раз, когда девушка приходила на уроки в шатер собрания.

Уроки проходили в полдень, когда солнце стояло высоко, и все дела замирали, останавливаясь на время. Тени в шатрах становились гуще, слышался лишь шелест песка, да редкое всхрапывание лошадей под навесами. У Лохема было несколько мгновений до урока, чтобы столкнуться взглядом

с красавицей, входящей на женскую половину и несколько мгновений, чтобы проводить взглядом её фигуру после. Девушки в племени были красивы. Не сравниться, конечно, с Дарой, – ту сватали с тринадцати лет.

Она так искренне радовалась предстоящему событию, что никто не смог ей запретить. Была бы жива мать, она бы смогла. Но мать умерла во время родов, дав жизнь им с братом.

Это стало страшным ударом для отца. Но все её вопросы и расспросы он пресекал, лишь сказав однажды: Милосердный принял жертву. И всё. Никаких объяснений. Хотя так больше и не женился.

Мать была провидицей. После ее смерти будущее закрылось для людей.

– Тебе не кажется, что нужно выставить охрану? – спросил Дарин, младший из братьев у отца.

Решение конечно принимали старейшины, но отец был вождём племени, и мог сделать так, как считал правильным.

А правильным было показать, что племя не прячется за мечами воинов, свободно празднует, не боясь показаться слабым. Тем более, что соглашение с Князем уже подписано.

В договорах всегда оговаривались все пункты о возможных убытках и потерях, компенсациях и выплатах. Оставалось только отвезти князю дары, и можно до конца зимы осесть на этой равнине. Князь хотел также и заключать браки, но с чужими никто не рождался и своих замуж из племе-

ни никогда не отдавали. Так что тайны оставались тайнами.

И отец вздохнул, пригладив седую бороду,

– Не будем провоцировать соседей. Мирный договор заключен.

Его седина была странной, всегда удивительной для Дары. Бабушка рассказывала, что он поседел ежемоментно, сразу, целиком, когда разгромил в пух и прах свой шатёр после смерти жены и запечатал внутри Тьму, рвущуюся наружу. Волосы не пройдя этапы старения, приобрели удивительный оттенок серебряного перламутра, как и его глаза.

Отец был единственным, кого Дара опасалась. И даже не его самого, а того, что он нёс в себе. Находясь с ним рядом всю свою жизнь, она научилась чувствовать не то, что его настроения, но малейшее изменение внутренней силы. Чувствовать и перенаправлять. Окружающие считали её избалованной, что в общем-то было правдой, – но важнее было то, что зачастую, лишь благодаря ей, вождь успокаивался, сдерживаясь и закрываясь.

Однажды, когда она была совсем маленькой, отец собственноручно наказал вождя кочевников, убивших их пастухов, забредших по ошибке в чужие земли. Овец дикари возвращать отказались. Два вождя тогда сидели на входе в шатер под навесом и оговаривали условия перемирия. Дара,

как всегда, вертелась у отца на коленях.

Кочевник, – грязный, вонючий, неприятно отрыгивавший только что съеденное мясо, показав на девочку, произнёс что-то гортанное на своём непонятном языке и ухмыльнулся.

Девочка удивилась, – Отец, что он говорит? Я ему не нравлюсь? – Хаварт встал, снимая дочь с коленей и наклоняясь, легко поцеловал ее в лоб,

– Наоборот, милая, ты ему нравишься, даже слишком. Он просит или тебя, или Свет, – отец всегда отвечал на её вопросы, считая, что вопрос приходит лишь тогда, когда наступает время прийти ответу. И главное, получить правильный ответ, иначе равновесие нарушится.

– Каждая сущность должна быть названа своим именем, – говорил он.

– Не важно, – это предмет, мысль, или чувство. Определяя сущность, ты определяешь Закон. Закон, по которому ты живёшь. И если бытие не подчиняется тебе, значит ты живёшь среди мнимых сущностей.

Отец потрепал ее по светлым кудряшкам,

– Иди внутрь, Дара. Пусть получит свой Свет, – и развернувшись, пригласил гостя следовать за ним, под открытое небо, прямо под солнце, по пути доставая табличку с именем Неназваемого.

– Отец, но сейчас полдень, – девочка показала на солнце, стоящее высоко в зените. Она помнила, что ритуал проводи-

ли лишь на рассвете, начиная с первыми лучами солнца.

Отец не обернулся, лишь повторив, – Иди в шатер, и опусти полог! – послушаться было страшно, но любопытство победило. Поэтому девочка зашла в шатёр и опуская полог, оставила в нём крохотную щель, чтобы можно было подсматривать. Ведь отец не запретил ей смотреть, правильно?

То, что произошло дальше, перевернуло представление маленькой Дары и об отце, и об окружающем её мире. Если до этого она считала отца добрым волшебником, много и часто объясняющего окружающим какие-то непонятные вещи, то теперь она увидела обратную сторону Света, о котором так много все говорили.

Нужно понимать, что в её детском мире вода, выходящая из земли или металл, становившийся пластичным в руках брата, были вещами обычным, весёлыми, и конечно не страшными.

Но сейчас, когда кочевник, вслед за отцом, поднял руки к солнцу, и мир вокруг застыл вдруг, подёрнувшись пеленой; и ей казалось, что единственное, что осталось живым, – это ее маленькое сердце, застучавшее так быстро, что казалось, сейчас выпрыгнет из груди.

Прошло мгновение, после которого тело кочевника вспыхнуло, раскаляясь и тут же взорвалось, осыпаясь пеплом. Но маленькая Дара знала, – отец **ОСТАНОВИЛ** солнце, и видела, как весь этот свет, вся ярость светила, столбом об-

рушилась не незнакомого, неприятного, но в общем-то ни в чем не виноватого, как ей казалось, человека.

Девочку искали до заката, перевернув весь лагерь, но она, вернулась сама, когда источник, скрывавший её, начал остывать в лучах заходящего солнца.

Вернулась, попросив у отца прощения и не по-детски спокойно приняв наказание. И никогда не говорила об этом, понимая вдруг, что отец защитит её от всего мира. Но иногда, его нужно защищать от самого себя.

Дара встала с соломенной подстилки и дошла до внешней стены; задрала голову, – попыталась найти месяц в оконном проеме. Он висел высоко над головой. Была середина ночи.

– Странный месяц сегодня, – подумала она, – И свет даёт странный

Девушка зашептала заклинание, потянула воду из земли, слишком поздно сообразив, что под ногами камень. Не стоило тратить силы впустую.

Пить хотелось нестерпимо. Не страшно, – она потерпит. Наверняка её ищут и вскоре приедут гонцы из дома. Она, конечно, была неосмотрительна, но подруга же видела двух всадников, выскочивших из рощи и схвативших Дару.

Если Лейла успела убежать, то наверняка позвала на помощь. Ведь позвала же? Девушка не видела подругу, когда ее саму стаскивали, как куль, с лошади в княжеском дворе.

Странный привкус стоял во рту и сколько она не сглатывала слюну, рот казалось был наполнен горечью. Вода не отзывалась. По телу расплзалась слабость.

И забытьё. Почему оно было таким тяжелым? Не могло же это быть связано с ударом по голове. Чтобы так надолго потерять сознание, нужен удар посильнее. Помещение было маленьким настолько, что даже ходить по нему было невозможно.

Мысль пойманной птицей билась в голове:

– Как её узнали? Она никогда раньше не встречалась ни с Князем, ни с его Колдуном, никогда не выходила за стан, а когда те приезжали из города со своим отрядом, ее и вовсе не выпускали из шатра. Дара бессильно опустилась на солому и стала ждать рассвета.

Глава 2. Темница

Небо начинало сереть. Я еще раз осмотрела место, в котором находилась, и поняла, что в помещении нет дверей, вообще нет выхода. Каменный мешок. Решетка окна под потолком. И в очередной раз задалась вопросом, как я сюда попала.

В памяти не было ни одной подсказки. В ушах звенело, голова казалась пустой после бессонной ночи. Страх при этом не было, – лишь злость на собственную глупость. Через какое-то время раздался скрежет, – кусок стены отъехал в сторону.

В проеме стоял Колдун, за его спиной торчали два стражника.

Мужчина огляделся, делая шаг внутрь, а я подумала, что могла бы назвать его красивым, если бы не черная татуировка на лице, и глаза, заполненные Тьмой после колдовства,

– Ну что, Дара, не передумала? Выглядишь не очень, – то, что выражало его лицо, должно было сойти за сочувствие, хотя вряд ли кто-нибудь бы этим обманулся.

По возрасту он был близок к возрасту Гарона, моего старшего брата: высокий, сильный, черные смоляные волосы, стянутые шнурком, простая черная рубашка, скрывающая фигуру и заправленная в кожаные штаны, на поясе короткий

меч. На плечи накинута черная плащ. Его можно бы было принять за обычного горожанина, если бы не богато расширенный пояс и амулеты, висающие на шее. Да и взгляд, – черный, пронзительный, прожигающий насквозь.

– Откуда ты знаешь мое имя? – Меня замуровали? – я встала, опираясь о стену; было странно слышать гортанное наречие и видеть чужого мужчину рядом, но сил спорить не было, – их вообще не было, и это тоже было странным.

Колдун усмехнулся:

– В камне не слышен стук сердца; мне не нужно, чтобы тебя нашли раньше времени. И не питай иллюзий. У Князя нет намерения тебя отпускать, – колдун улыбнулся еще шире, хотя взгляд его оставался жестким, цепким,

– Гонцы уже повезли дары твоему отцу. Мой господин не хочет войны. И женится на тебе, как только привезут согласие, – первый мой вопрос остался без ответа.

– У нас спрашивают согласие у девушки, – вспыхнула я,

– А разве ты против, – осклабился он, – Будешь Княгиней, – ярость придала мне сил. Я бросилась на него,

– Верните меня домой! – Колдун схватил меня за локти, прижимая:

– Ты можешь выйти отсюда прямо сейчас, вместе со мной, привести себя в порядок, и занять покои княгини, приготовленные для тебя, – звучало как насмешка,

– Или продолжать свой бессмысленный бунт, сидя в этом каменном мешке и теряя силы, – он наклонился к моему уху,

– Ты чувствуешь, как камень пьёт твои силы, Дара? – и отступил на шаг,

– Выбор за тобой, – я осела на пол, предпочтя солому покоям княгини.

Колдун развернулся к выходу, и уже делая шаг в проём, оглянулся:

– Да, и не советую кричать или впадать в истерику, – больше всего Тьма любит негативные эмоции. Тебя лишь выпьют быстрее, – и камень вновь уехал в стену, закрывая проход за Колдуном, отрезая меня от мира.

Я оценила совет. Даже не совет, а эту внезапную странную откровенность. Может Колдун думал, что дети пустыни ничего не знают о чёрном камне? Или пытался меня запугать еще больше?

Я знала. Поэтому и не кричала, не звала на помощь, старалась держаться спокойно, не впуская в голову ни одну мысль, – ни свою, ни чужую.

– Когда мы ослаблены, больны, дезориентированы, наступает место для Неуверенности, которая тянет за собой Страх, а тот привлекает чудовищ Тьмы. Мы сами впускаем этих сущностей внутрь. Заворачиваем их в правдивую обёртку, и оживляем внутри себя, – говорил отец, – Тьме не нужна открытая дверь. Ей достаточно трещины, куда она сунет свое щупальце.

– Думай хорошие мысли. Думай хорошие мысли, – твердила я как мантру. Но хорошего не вспоминалось. Остава-

лось лишь не думать плохие.

Время тянулось как бархан в пустыне. Длинно и однообразно.

Почему иногда день пролетает птицей, а иногда час кажется нескончаемым?

Когда-то отец наказал меня, заставив носить воду овцам. С утра и до вечера. Тогда день тоже казался бесконечным. Плечи ныло, руки покрылись волдырями. И откуда у нас столько овец? – злилась я. Хорошо, что он не заставил напоить всех животных вообще.

Теперь я понимала, что наказанием было правильным, но тогда оно казалось до нельзя обидным и унижительным,

– Я самая важная в стане! От меня зависит то, что никто не умрёт от жажды! – да что там от жажды, думала я, мои источники питают растения и наполняют купальни.

– Почему ко мне не относятся согласно моим заслугам? – и даже топнула ногой от возмущения.

– Заслугам, – прищурился отец, – пусть будет, по-твоему. Сегодня ты сделаешь только одну маленькую часть из всего, чем так гордишься, – напоишь овец. Своими руками. Из кувшина. Воду от поилок отведи. А вечером расскажешь мне, чем отличается Дар от заслуг.

Вечером врачеватель накладывал на мне ладони толченый стебель первоцвета и ругал отца за неправильные методы воспитания детей.

Но методы были правильными. Я на всю жизнь запомни-

ла, что Дар,— это то, что даётся свыше, и ничего общего с заслугами не имеет. Потому что заслуги, — это то, что делаем мы своими руками.

Тем вечером за общим столом, впервые, в мою честь был произнесен тост об использованной мной возможности напоить животных. Мне было семь. И чувствовала я себя так, словно не было боли в руках и ломоты во всём теле, так, словно мне действительно предоставили возможность, а не дали наказание.

Впрочем, так и было. Отец учил в каждой неприятности видеть возможность.

Силы заканчивались. Я ждала солнца, чтобы напиться Светом, но точно зная, что оно уже поднялось, по-прежнему не видела ни одного луча; света в камерке не становилось ни больше, ни меньше. Окно казалось нарисованным.

В следующий раз Колдун пришёл, когда сумерки начали сменяться темнотой; в его руках была корзина с фруктами и лепешками, кувшин с водой.

— Милая строптивница, не соскучилась? Я пришёл с миром, — черные глаза смотрели на меня испытующе,

— Поверь, мы не злодеи. И если первоначальный план не выполняется, есть и запасные варианты, — он сел рядом. Было неприятно находиться к нему так близко, да и еда выглядела возмутительно дразняще. От запаха свежего хлеба закружилась голова.

Я подумала, что выгляжу как драная степная кошка, у ко-

торой под пылью не виден цвет окраса. Моё самое нарядное платье напоминало грязную тряпку. Обереги и амулеты с меня сняли стражники князя. Волосы цвета спелой пшеницы, струившиеся вчера ниже пояса, сейчас были заплетены кое-как, и казались грязной паклей. Наверняка от меня воняло.

Но больше жажды, голода и отвращения к себе, меня мучали вопросы: добралась ли Лейла до стана? Смогла ли поднять тревогу? Почему за мной до сих пор не приехали?

Колдун протянул мне виноград,

– Ждёшь воинов-освободителей? Забудь. Я написал твоему отцу, что у вас с Князем всё было сговорено заранее. Ты сама сбежала, – он дернул уголком рта, – к любимому.

Я возмущенно посмотрела на него,

– Это неправда! Лейла подтвердит. Она видела, как меня похитили!

Колдун прищурился, цокнул языком,

– Милая, милая Лейла! – Но почему ты решила, что она вернулась домой? Её роль в этом спектакле была короткой, впрочем, как и её жизнь, – он притворно вздохнул,

– Всё закончилось для неё быстро. Впрочем, если бы она не согласилась заманить тебя, то я бы нашёл другой способ.

Встретившись с ним взглядом, я четко, по слогам произнесла: – Я ни-ког-да не стану женой Князя!

Мужчина посмотрел на меня серьёзно, – Это твоё последнее слово? – и протянул мне кувшин:

– Попей! Не зачем себя так мучать. Жаль, что ты не пе-

редумала.

Я взяла кувшин, сглотнула пересохшим горлом и только начав пить, поняла, что он с жадностью следит за каждым моим глотком, не сводя взгляда с моих губ.

– Какая же я дура! – подумала вдруг, поняв, что вода начинает горчить, а Колдун, неотрывно глядя на меня делает пассы пальцами опущенной руки.

В ушах зазвенело. И падая, я почувствовала, как сильные руки подхватили меня. Колдун, развернувшись, сделал шаг к выходу.

Глава 3. Свадьба

Пришла в себя я ранним утром. За окном серело.

Вошла рабыня с умывальными принадлежностями. Мочка ее правого уха была разрезана, как и у всех рабов. Поклонившись и не поднимая глаз, она поставила все на столик в углу. Ощущение слабости никуда не делось. Мысли текли вяло. Комната, в которой я проснулась была богато убранной и казалась мне странной. Я никогда раньше не видела кроватей и это тоже казалось странным, – лежать так высоко, как на постаменте. Дома мы спали на тюфяках.

Вошла вторая рабыня, в руках у неё было белое льняное платье, и сандалии. Девушки не смотрели мне в глаза. Боялись? У нас рабы так себя не вели.

Найденные или купленные, они по Закону получали свободу через год. Даже женщина, привезенная с войны, жила в доме воина год без притеснений. Ей брили голову, наносили хной знаки на лице, делая непривлекательной и запрещали трогать. Она учила язык, обычаи, и получала право войти в народ после повторного согласия воина не ней жениться и ее согласия стать частью племени. Того, кто не принимал Свет, сжирала внутренняя Тьма. Внутри стана выжить темным было невозможно. Сбежать тоже.

Разрез на ухе можно было увидеть лишь у стариков, ко-

торые предпочли рабство свободной жизни и в знак этого принимали метку. Отец говорил, что хотеть быть рабом, – это грех. Тело человека лишь сосуд для души, принадлежащей Неназываемому. Невозможно вместо его управления принять власть Хозяина. Но были и те, кто вместо свободы выбирал сытое рабство. Свобода ведь могла быть и голодной.

Оказывается, ночью кто-то раздел меня и вымыл. Волосы и все тело пахли какими-то благовониями. Сил сопротивляться не было, также, как и возражать. Слабость наполняла всё тело. Низ живота болел. Заглянув под покрывало, я осознала, что спала обнаженной. И кровать не выглядела мирно. Напротив, всё на ней были перевернуто, на простыне засохли бурые пятна. Сев, и опустив глаза, я поняла, что на внутренней стороне бедер тоже засохло что-то липкое вместе с кровью. В голове не было ни малейшего понятия о том, что со мной произошло.

Я не была ребёнком и не раз помогала бабушке принимать роды у женщин. Живя в племени, мы всё знали о совокуплении. Это не считалось чем-то грязным. Просто было частью жизни. Но это для животных. Что же происходит между мужчиной и женщиной, за пологом шатра, я понятия не имела. Это рассказывали невесте и лишь перед обрядом единения.

Ужас перехватил дыхание, тисками сжал сердце, покрывая меня изнутри ледяной коркой, но никак не прорываясь наружу.

Казалось, я существую в двух слоях реальности. Страх и непонимание бились внутри, а на лице не отражалось ничего, кроме безмятежности.

Служанки, поняв, что я сама не встану, подняли меня, отвели в угол комнаты, поставили в лохань, обмыли и одели. Голову покрыли завесой и вывели из комнаты.

Оказалось, что дом, в котором я нахожусь просто огромный. Мы шли через череду комнат, предназначения которых я даже не понимала. Вокруг был камень. Камень под ногами и камень над головой. Проклятый камень. Стены вместо ткани и окна-бойницы. Если бы этот камень был белым, я бы могла смириться, но он был черным. Черный город. Черный Колдун. Черный Князь.

Меня вывели из дома и повели через площадь. Начался последний предрассветный час, когда небо кажется серым, и ночь, отступая, крадёт напоследок все краски.

Навстречу шел Колдун.

– Доброе утро, моя красавица. Сегодня ты затмишь солнце! Князь ждёт тебя наверху для проведения ритуала.

Я подняла глаза, – Ритуала? По вашему обычаю? Отец дал согласие?

Колдун скривился, – Нет. Но это уже и не важно. Нет так ли, Дара?

Я молча передвигала ноги, двигаясь как кукла, – не важно, не важно...

Мы с Колдуном поднялись по лестнице на возвышение

в центре площади, похожее на пирамиду. Наверху, вровень с городской стеной, было небольшое пространство, на котором возвышался лишь Жертвенник, с востока ограниченный стеной с небольшой нишей, куда приносили подношения. Здесь в Городе проводили ритуалы.

Площадку было видно со всех сторон и даже из-за стен города. Рядом с жертвенником стоял Жрец. Напротив – Князь. Он впился в меня черным, непроницаемым взглядом. В лице его что-то дрогнуло, тут же скрываясь за маской властности. Белая рубаха, расшитая черным бисером, черные кожаные штаны, дорогой пояс с ножнами. Неужели ему не холодно?

Меня поставили рядом с Князем. Площадь под жертвенником была заполнена людьми. Не только мужчинами, но и женщинами. Нельзя сказать, что они радовались. Выражения лиц разнились по спектру от равнодушных до недовольных.

Если бы я не обладала зрением Хавартов, я бы не увидела. Но сейчас, даже не вглядываясь в лица, а видя свет их душ, я поняла: недовольных больше. Было странным, что лишь у Колдуна и Жреца души были цвета Тьмы. Остальные выглядели серыми всполохами, разнясь лишь оттенками. Князь полыхал кроваво черным. Похоже, многим здесь было не по душе его решение жениться на дочери пустыни.

Жрец начал воскурять благовония. Он сыпал их из разных коробочек на тлеющие угли, приговаривая что-то. Темные проводили свои ритуалы до восхода солнца. Заканчи-

вался предрассветный час.

Наконец Жрец, подойдя, поднял завесу с моего лица, и соединил наши руки, продев их в черный обруч. Казалось, что обруч сделан из камня, но был совсем не тяжелым.

Размахивая совком с тлеющим благовониями, зачерпнутыми с жертвенника, служитель, начал что-то говорить нараспев глухим, низким голосом. Его черная хламида развевалась на утреннем ветру, из-под низко надвинутого капюшона, на меня смотрел мрак. Глаза, поначалу блестящие белками, становились все более безжизненными, их заволакивала Тьма.

Голос поднимался все выше и выше. Если до этого мне было только холодно, то теперь стало еще и страшно. Обруч нагревался, запястье обжигало.

До меня дошло, что никто не спросит моего согласия. Фактически, я уже принадлежала Князю. К жертвеннику поднесли простыню, показав всем пятна, Жрец бросил ее в огонь.

– Прими Кровь Княгини! – закричал он, и снова перешёл на незнакомый язык.

Неожиданно, с жертвенника взметнулось черное пламя, простыня разом вспыхнула, и сгорая, исчезла, не оставляя после себя даже пепла. Пламя опало. Угли продолжали мирно тлеть.

Голос Жреца поднимался всё выше, казалось в нём уже нет ничего человеческого, и в момент, когда он оборвался на

самой высокой визгливой ноте, запястье мое опалило огнём.

Тело наполнилось силой. Морок, так крепко державший меня до этого, вдруг начал рассеиваться.

И я вспомнила ночь, заливаясь краской стыда.

Меня никто не брал силой. Эта ночь подарила мне совершенно новые, невозможные ощущения. И я сама приняла Князя, приняла его Тьму

– Ты моя, и только моя! – шептал Князь мне ночью на ухо. Не князь, – Рэдгар. Он назвал мне своё настоящее имя. Не побоялся. Внутренней своей сутью я поняла, что имя настоящее, но своего в ответ не назвала.

Задыхаясь от воспоминаний, нахлынувших так не вовремя и впервые за все время ритуала, посмотрев в глаза Рэдгар, я выдернула руку. Поздно. Раньше не было сил, а теперь нет выбора.

Обруч исчез, вместо него левое запястье обивала лента Тьмы: черная метка, похожая на браслет, нерушимая как само наше единение, связавшая мою внутреннюю Тьму с Тьмой Князя до последнего вздоха – его или моего. Такая же была на правой руке Князя.

Какое-то движение, началось внизу на площади, за нашими спинами. Слышался ропот, возгласы недовольства. Не выдержав, я обернулась. Люди расступались. Разрезая толпу черноволосых горожан, выделяясь среди них, чужеродным пятном, не глядя по сторонам, закаменев лицами, шли светловолосые мужчины. Мои братья. Впереди, в длинном белом

одеянии, – мой отец.

Глава 4. Поиски

Он шел по площади, колыхавшейся как серое море. Видел раздражение, злость, недовольство горожан от присутствия чужаков в городе. Видел не лица, не людей, а свет их душ, их настроения. Положительных эмоций не было. Самые нейтральные, – любопытство и заинтересованность.

Если бы не мирный договор и не обман Колдуна, Гарон и Лохем снесли бы этот город еще вчера. Но приехав сюда в сумерках позавчерашнего дня в поисках пропавшей девушки, воины не были впущены в Город. Ночью ворота закрывались для всех чужаков без исключения.

О том, что искали дочь Вождя, говорить было запрещено. Нельзя было давать шанс для манипуляций. Да это бы ничего и не изменило. Любую другую девушку искали бы также. И искали. Лейлу, подругу Дары. К ночи нашли в роще, с перерезанным горлом.

Родителям сказали сразу, к нему же в шатер зайти боялись. Боялись его ярости и гнева. Боялись пыльной бури, способной всё снести на своём пути. Успокоить его умела лишь Дара. И то, что её не нашли, давало надежду. Маленькую, но надежду.

Когда же вошли в шатер с двумя венками, один из которых был в крови, он закаменел, лишь через долгий удар серд-

да поняв, что на венке его дочери нет крови. И понял также, что она жива, раскрытием почувствовав, что её свет горит совсем рядом, в Городе. Знать бы только где именно.

Утром отряд поехал снова и им было разрешено обыскать город. Князь к ним не вышел, а Колдун, странно усмехаясь, готов был открыть для воинов любую дверь.

В этом не было необходимости. Охотник мог отыскать Дару по стуку её сердца даже самостоятельно, но обыскав весь город, проведя здесь полный день, воины вернулись в сумерках обратно ни с чем. Город закрылся для чужаков.

Он дожидался сыновей у шатра, не впустив гонцов Князя внутрь, думая больше о судьбе дочери, чем о том, как принять случившееся и избежать кровопролития.

Дочь! Она была единственной его слабостью, напоминая жену походкой, улыбкой, поворотом головы. Она была его наказанием и наградой одновременно.

Ведь когда начались роды, и повитуха сказала ему, что спасти можно будет лишь одного ребенка, – он выбрал сына.

Повитуха ошиблась.

Прослушивая живот матери, она слышала стук лишь одного сердца, видела свет души лишь одного ребёнка.

Повитуха ошиблась. В первый и единственный раз. Это стало понятно через сутки мучений и боли, когда роженице все-таки вскрыли пузырь и воды отошли.

Обычно роды проходили совсем не так. Сейчас же жена

не могла родить, а его мать, прощупывая живот женщины, после отошедших вод, с ужасом поняла, что внутри двое детей.

Решать нужно было быстро. Воды отошли, – дети могли задохнуться. Один, до этого, закрывавший собой второго, был очень активен, толкался и требовал впустить его в этот мир. Второй практически не шевелился. Двое детей.

Живот вскрыли. Операция довольно частая, хоть и небезопасная. Всё оказалось точно в соответствии со словами повитухи. Двое детей с одним сердцем. Тогда она ему и сказала, -выбирай. Спасти можно только одного. И он выбрал сына.

Девочка оказалась такой маленькой, совсем синюшной. Она едва дышала. Брат был настолько больше, что окружал её со всех сторон, сросшись с ней, питая, и казалось, защищая от всего мира.

Тогда-то жена, обессиленная от кровопотери, разом посеревшая и подурневшая, и оттого ставшая еще дороже, схватила его за руку, выдыхая пророчество, – Нет, ты не сможешь её убить! Она будет матерью народа!

По древнему поверью, мать могла принести себя в жертву, отдав ребенку жизненно важный орган. Если ребенок выживал, значит Милосердный принял жертву.

На его памяти, это никогда не делали, но обряд существовал и хранился в разделе черных. Забрать Жизнь означало погасить свет души. Это было неприемлемо для народа пустынь. Шло в разрез со всем Учением.

Его жену похоронили через сутки. И место погребения в пещере он собственноручно завалил камнями, предварительно выкупив эту пещеру у местного племени за солнечный камень.

Ничего в это мире не ценилось дороже. Из этого камня делались амулеты и обереги, в нем запечатлялся свет души, и такой амулет можно было использовать для призыва, даже после смерти человека; не говоря уже о том, что при жизни хороший следопыт мог разыскать пропавшего по этому амулету.

Место погребения окружили заклинаниями. Никто, кроме кровников не мог больше приблизиться к этой пещере.

Тогда он целую неделю сидел в шатре, не желая видеть детей, отнявших жизнь у его пары. Просил у Милосердного ответа и не получал его. А ведь в мире под солнцем мало что было скрыто от Вождя.

Через неделю он поднял полог и взял сверток с дочерью на руки. Сил слушать её надрывный крик у него больше не было.

Девочка кричала истошно, не останавливаясь, замолкая лишь когда ела, переходя тогда от истошного визга к тихому поскуливанию. А ее брат начинал плакать, лишь в те редкие моменты, когда его уносили от неё, чтобы помыть и перепеленать.

Кормилица, быстро понявшая в чём дело, вынуждена была мыть и кормить их одновременно, попросив в помощь,

еще одну служанку.

Стоя тогда на выходе из шатра, взяв в руки этот неожиданно маленький сверток и заглянув в голубые глаза, странно осмысленные для младенца, он понял, что девочка получила не только сердце, но и душу жены. Ему больше не было с кем общаться в Посмертье.

Это было невозможно и больно, как удар под дых. Реинкарнации случались, но как правило не сразу. Проходили поколения, прежде, чем душа спускалась в мир. Сейчас же произошло невероятное, невозможное, но он принял это сразу, одним вздохом, поняв наконец, почему так горько плакала девочка всю эту неделю.

До той проклятой ночи, разделившей его жизнь на До и После, он ни разу не разлучался с женой после обряда единения. «В счастье и в горе, в радости и в печали» поклялись тогда они друг другу быть вместе. А она добавила «я буду счастлива рядом с тобой любим, до тех пор, пока горит свет моей души».

Теперь он понял, что она Знала. Знала, и не сказала!

Его гнев пересилил даже горе. Он разгромил все в шатре, радуясь, что служанка успела забрать ребенка. Изо всех сил, сдерживая внутри Ураган, понимая, что, выпустив Тьму наружу, просто уничтожит все вокруг.

Было ли это предательством со стороны его жены? Знать все заранее, решить все за двоих? Оставить его здесь, уйдя навеки? Он пришел в себя, лишь услышав истошный крик

младенца.

Так она и выросла у него на руках. Он назвал девочку Йошевет. Сидящая на коленях. Мальчика назвали Льядо – находящийся рядом. Вторые, внешние имена детям дали парные: Дара и Дарин. Что было логичным, в общем-то, в сложившейся ситуации.

Колени отца были для девочки целым миром, ее свободой и её наказанием. Она была непоседливым ребёнком, но у него на руках затихала, боясь быть выгнанной.

Вождь был сердцем племени, много обучал, иногда не опуская полог шатра для глубокой ночи. Решал споры, объяснял законы сущего. По ночам сам учился, открывая всё новые и новые пласты знаний.

Он давно понял, что Свет и Тьма, это неделимые части существования. И нельзя быть лишь солнечным, как камень. Это Посмертье, слепок, хранящий застывший свет души.

Жизнь же многогранна, наполнена испытанием и каждодневным выбором. Сделать правильно который невозможно, потому что нет на свете правильного и неправильного. Есть сплетенные Свет и Тьма. Нужно лишь уметь взять силу Тьмы, завернув её в Свет. А вот чтобы уметь это сделать, иногда нужно учиться всю жизнь.

Уметь повернуть каждый свой порыв повернуть на Благо, но что такое Благо? Радость одного запросто оборачивалась горем другого. Значит Благо не в материальном? Вопросы множились, ответы получалось найти не сразу.

Дара же была центром его мироздания. Едва научившись ходить, она стала находить воду, впервые сделав это когда ей еще не исполнилось двух лет. Никто не мог понять, почему она так потешно топает ногой по одному и тому же месту и смешно дует губы. Смешно было, пока из-под земли, не вырвалась струя воды. Хорошо, еще что сил у девочки было мало и фонтан не принес никому вреда. Сейчас Дара могла собрать тучу, вытянув воду из земли по капле.

Девочка обрела Дар, а племя смогло передвигаться, перестав зависеть от источников воды. Они кочевали с места на место, присоединяя все новые и новые земли, оставляя за собой поселения, наполненные зеленью и Жизнью. Поселения, люди которых жили по новым законам, законам единого мироздания.

И вот теперь, через восемнадцать лет, он сидит на входе в шатер, по колени заваленный золотыми слитками и понимает, что ничего не понимает. Нужно ли отпустить дочь? Или вернуть её несмотря на последствия?

И решил ехать в Город сам, оставив себе как всегда пространство для выбора, одномоментно и вдруг, почувствовав прилив сил, как и всегда при принятии правильного решения.

Нужно было только услать Лохема. Иначе все пойдет прахом.

Глава 5. Хаварт

Я стоял на возвышении и охватив единым взглядом всю картину, от черной метки на руке дочери, до гаснущих углей на жертвеннике, понимал, что мы опоздали.

В Город не пускали до рассвета. И получалось, что Ритуал начался вместе с открытием ворот. Хорошо еще, что вчера было получено разрешение на вход в Город. Не пришлось тратить время хотя бы на это.

Город был огромным, гулким, и... живым. Черный камень, напитанный Тьмой, покрывал все вокруг. Еще на входе в город, у крепостной стены, и после, идя по пустым улицам, я слышал призывы Жреца, несущиеся над городом, понимал, что начался какой-то обряд, но до последнего надеялся на Чудо. Людей видно не было, только шаги гулким эхом отдавались от мостовой.

– Милосердный, на тебя уповаю я! Кто я такой, чтобы идти против Воли Твоей? Куст верблюжьей колючки, несо- мый Силой Твоей! Клянусь, что приму все, что уготовано мне! Только воплоти пророчество, данное мне на смертном одре! – слова крутились мантрой, мы приближались к центральной площади.

Впереди и сзади шли стражники. Глупцы! Даже моих сил хватит, чтобы от Города осталась грудa камней. Но здесь есть

люди, хоть и подчиненные Тьме.

«До последнего вздоха у человека есть возможность обратиться к Свету. Поэтому душа его бесценна и хранима Создателем!»

Чуда не произошло. Угли почти погасли, руку Дары обвивала лента Тьмы. Значит нашел Колдун, за что зацепиться. Мой план полетел в тар-тарары.

Хорошо еще, что Лохем не видит. Его было бы не остановить.

Оглядев всех тяжелым взглядом и растягивая время до принятия решения, я обратился к Князю:

– Спасибо, Князь, за щедрые дары, что ты прислал племени! И за отказ принять от нас выплаты за пребывание рядом с Городом. И за разрешение остаться на равнине на сколь угодно долгий срок, – я стоял свободно, расправив плечи, и пятеро моих сыновей, таких же светловолосых и голубоглазых, стояли позади меня. Контролируя каждый свой вздох, я старался даже искоса не взглянуть на Колдуна, хотя по-настоящему опасным здесь был лишь он.

– Как я сказал тебе ранее, мы своих за чужих не отдаем. И чужих за своих не берём. Поэтому я пришел спросить тебя лично, Князь Черного Города, – я выпрямился еще больше, и голос мой приобрел глубину и мощь. Этот мой Дар унаследован Гарон. Голосу нельзя было не подчиниться.

– Согласен ли ты, присоединивший дочь пустыни Тьмой, присоединить её и Светом? Согласен ли ты войти в мой на-

род? Впустить Свет в свою душу?

Князь молчал. Он ожидал нападения, объявления войны, всего что угодно, но не этого; Князь тянул время, краем глаза видя, как незаметно сложил пальцы Колдун, готовясь в случае опасности увести их теньями, – предложение Вождя, кажется и его застало врасплох. Если Князь откажется сейчас, то возможно из всего города, спасутся лишь они с Колдуном.

Князь был наслышан об этих пустынных, которые приходили с миром, и оставляли руины после себя в случае, если считали, невозможным победить Тьму иначе.

Кто теперь помнит о крыльях, бросавших детей в Печь своему богу? Или туфах, мазавших жертвенники испражнениями? Даже следов от городов не осталось, все развеялось пылью. Лишь ветер носит легенды по пустыне.

С другой стороны, Князь прекрасно понимал, что свой выбор он сделал, когда впервые увидел Дару. Они тогда пробрались в стан, чтобы изнутри посмотреть, что это за пустыньники такие пришли из-за горизонта.

Колдун вёл его теньями. Надо же было именно в этот момент Даре выйти из шатра. Она стояла, освещенная солнцем, голубоглазая, и покусывала нижнюю губу, слегка хмурясь. Тяжелая коса венком окружала ее лицо. Мелкие завитки около лба и ушей были влажными от пота. Она не была похожа ни на одну женщину, встреченную им до этого.

– Эх, распустить бы эту косу. Волосы, наверное, тяжелые

и гладкие как шелк,— подумалось тогда князю.

Сегодня он попробовал, -действительно как шелк. Сегодня и эти губы принадлежали ему.

До встречи с Дарой, Князь собирался отказать вождю. Колдун приводил массу доводов, и все были разумными. Не нужны им были здесь дети пустыни. Пусть себе идут куда шли.

Один взгляд на девушку изменил его решение.

Воспоминание о каждой из последующих встреч с ней он берег, как драгоценность, смаковал потом, как деликатес. Часто в стане появляться было нельзя, их могли выследить по запаху.

Только когда тени становились глубокими, собираясь под пологами закрытых шатров пустынников, он мог понаблюдать за их жизнью изнутри.

Потом ему пришлось долго ждать, пока Колдун сможет провести ритуал, отделив плиту от основания жертвенника, пока спрячет ее в стане, открыв таким образом прямой переход из Города в центр стана. Переход для одного Князя, ненадолго, лишь в полдень, но это было победой над охранной кочевников.

Решение, созревавшее все эти месяцы, выплеснулось единым выдохом.

Князь встретился со мной взглядом.

– Да, я согласен. Мой народ войдет в твой народ. Моя семья войдет в твою семью. Мы готовы пройти Ритуал.

– Хорошо, Князь, что в твоём Городе есть окна.

Князь недоуменно поднял брови.

– Окно, – это недостаток в стене, дыра в камне; разлом в монолите Тьмы, через который входит Свет. Если бы не было окон, – я бы не взялся за проведение Ритуала, и усмехнулся,

– Я пришлю вестника. А пока что моя дочь вернется в свой дом.

Князь схватился за меч, Колдун за амулет призыва Тьмы. Над площадью повисла мёртвая тишина. А я обвел всех взглядом, задержавшись на сиянии поверх головы Дары.

– Жрец, – спросил я служителя, вошла ли Тьма в вашу Княгиню? Имеет ли над ней власть?

Жрец побледнел, Колдун поперхнулся воздухом. Они поняли.

– Ну, так скажете Князю: что он присоединил?

Князь буравил меня взглядом. Похоже, мне он сейчас верил больше, чем им.

Сцепившись с ним взглядом, я поднял руку в знак того, что собираюсь принести клятву:

– Клянусь, что отдам тебе, Князь, дочь свою и раскрою Имя её после обряда единения по нашему обычаю. И никто из моих сыновей, присутствующих здесь не причинит зла ни Князю, ни Городу!

Князь понял. Имя было внешним. Женская Суть не присоединена. Души связаны лишь краем Тьмы. И принял клятву. Короткие взмахи клинков, и две ладони сцепились в рукопожатии. Теперь нарушителя ждут лишь просторы потустороннего мира. Дураков рисковать нет.

Надеюсь, Князь думал именно так.

Мы уходили мирно, семеро среди тысячи, сопровождаемые лишь тяжелыми взглядами местных.

Похоже, Князю предстоит непростой день.

Глава 6. Рэдгар

Я смотрел вслед своей княгине, и сердце набатом стучало в моей груди. Как же её зовут? И как мог мой Колдун ошибиться?

До этого момента, я думал такое невозможно. Она уходила, гордо подняв голову, ни разу не обернувшись. И лишь метка на моей руке, да медальон, который она уносила в зажатом кулаке говорили о том, что все произошедшее было реальным.

Теперь моя Тьма будет защищать её; также, как и она почувствует, если со мной что-то случится. Светом напитать она меня не сможет. До Ритуала. Темных Свет выжигает.

Обведя взглядом площадь, я откашлялся:

– С завтрашнего дня в Городе будут объединены два мира, две силы, две части Мироздания, – прячась в тених я часто слушал уроки Вождя. Жаль, что понимал лишь то, что он рассказывал детям.

– День невозможен без ночи, Свет невозможен без Тьмы. Пока нет Солнца, нет и тени. Те, кто не хочет жить по новым законам, могут уехать. Срок, – до вечера.

Народ расходился с площади неохотно, хмурясь, недовольно перешептываясь.

Ко мне подошел Жрец,

– Мой повелитель, – служитель склонил голову, – Единжды выбрав Тьму, мы не можем ей изменить. Могу ли я взять на себя смелость переубедить Вас?

Я вскинул бровь, – Но я не отрицаю Тьму, лишь хочу присоединить к ней Свет. Стать еще сильнее, – жрец покачал головой,

– Неправильно это. Ересь. Отпустите меня, Князь, – похоже я не подхожу к Вашим новым теориям.

Я лишь вздохнул, опуская голову в знак согласия и взмахом руки отпуская его. Через час на всех площадях глашатаи оповестили, что уезжающие не будут подвергаться преследованиям и могут забрать с собой всё своё имущество.

Первым уехал Жрец, которому почти ничего не нужно было собирать, за ним потянулись повозки зажиточных горожан. Черных среди них не было. Так, несколько одержимых бесами. Легко оставались лишь те, кому некуда было ехать и бедняки, которым нечего было терять. Эти были уверены, что их жизнь что во Тьме, что на Свету будет одинаковой. Ну и воины. Эти связаны клятвой.

Недовольных окорачивала стража. Милосердия в нашем Городе отродясь не было.

Судили по Справедливости. Местные порядки знали. Последнего пришедшего убийцу забили камнями уже больше года назад. Начинали всегда свидетели, автоматически становившиеся палачами после вынесения приговора, а потом присо-

единялась семья погибшего, требующая отмщения.

Гостей на ночь у нас не оставляли, а днем город был под присмотром Колдуна. Да и камень, – он всегда шептал мне обо всём, что происходит. Стоило приложить руку к стене, и моя Тьма слышала каждого.

Так я простоял сутки, слушая Дару. Слушая и не слыша. Её шаги, дыхание, слова, – да. Но мысли? Или в ней нет Тьмы? Мне было не за что зацепиться.

Я не позволил ей увидеть солнце, замуровав в городской стене и нагнав морок, да и Колдун всячески пытался ослабить её, боясь, что не удержит долго в каменном мешке. Мы оба надеялись, что она смирится.

К ночи, устав от рысканья пустынников по Городу, и выставив их за ворота, я решил соблазнить Дару. Или она не женщина? Нужно лишь слегка помочь.

В-принципе, будь она из наших, я бы просто провёл обряд присоединения и взял её. Или в собственность, – если рабыня, или женой, если свободная.

Просто так соблазнить бы не решился. Во-избежание, так сказать. У нас за такое скопили. Женщина была собственностью отца. Или мужа. Как осёл или сундук. За воровство рубили руку, которой воровал. За изнасилование, – то самое, чем насиловал.

Если девушка ложилась по согласию, то её наказывали тоже, заливая её естество кипящим медом. Пусть будет так сладко, что слипнется. Оно и слипалось, заживая страшны-

ми рубцами. Смерть была бы желаннее. Но смерть тоже нужно заслужить. Хотя какой спрос со слабой женщины? Разве она устоит перед Тьмой?

Город жил по закону Справедливости, и наказание было обязательным условием. Отсутствие его вело к следующему преступлению.

Наблюдая за девушкой из Теней, я видел просыпающуюся в ней чувственность, – в каждом её наклоне головы, развороте плеч, лёгком смехе, в том, как она расчесывала волосы в купальне.

Вот в купальню я тогда поперся точно зря. Не зря Колдун меня пытался остановить.

После этого я стал одержим ею, начал пробираться в шатер собрания практически ежедневно, стоя в Тенях, на женской половине, боясь выдать себя даже вздохом. Ворочаясь потом ночью без сна, я давал себе зарок больше не появляться в стане. Но уже в следующий полдень находил себя на том же месте, любясь наклоном её головы, золотым завитком волос, все время выбивавшимся из-за уха, нежными пальцами, перебирающими амулеты, висящие на шее. Любовался и одновременно слушал уроки её отца.

Приходя, она сбрасывала сандалии и садилась, смешно поджимая под себя ступни. Ступни, на которых я готов был целовать каждый пальчик.

Учились пустынные странники. Мебели у них не было.

Опускались прямо на циновки. Ничего не писали, лишь слушали. А Вождь говорил вещи странные, зачастую совсем невозможные. Говорил о том, что нет Света без Тьмы, как нет дня без ночи. Что нельзя убивать в себе желание, даже самое тёмное, стыдное, грязное. Ничто не создано зря. Нужно лишь понять зачем, придать ему форму, взять его силу, изменить направление, научиться контролировать, заворачивая в Свет; что оболочка человека временна, а Свет души вечен. И в каждом есть искра Неназываемого, частица Его сути. И суть эту развивать можно и должно. Растить, как пламя костра, питая силой. Темной. Потому что сила Света проста и ясна. Она ослепляет и поработщает.

Получается, племя использовало силу Тьмы? И темные желания? Всё это было не понятно.

Иногда он вскидывал голову от огромной книги, лежащей перед ним на полу, упираясь взглядом прямо в меня. Видел? Нет, вряд ли. Но наверняка, что-то чувствовал.

Амулет, напитанный Тьмой, надёжно скрывал меня в Тенях. А пластина из Черного камня, которую Колдун смог оставить в самом темном дальнем углу шатра в один из наших официальных приездов в стан, давала мне теперь возможность перемещаться сюда, прямо от жертвенника.

Ритуал не простой, – расстояние все-таки на час ходьбы. Но теперь я знал, что могу ходить сквозь Тьму и за пределами Города. Были бы здесь стены, было бы проще! Но мне досталась лишь опаленная черным пламенем тонкая камен-

ная пластина под ногами, связанная ритуалом с жертвенником, с которой нельзя было сойти и Тьма, скрывающая меня.

Хорошо еще Колдун не спрятал пластину на мужской половине, где нас обычно принимали пустыnnики.

Мне бы остались лишь уроки.

Странно у них все-таки всё устроено. Стан вроде бы стоит свободно, без охраны, колыхаясь на ветру вымпелами родов, защищенный лишь по периметру воинскими шатрами, а пройти никуда нельзя.

Как будто глаза отводят. Сколько раз мы с Колдуном пытались свернуть то в сторону кузницы, разносящей звук ударов молота по наковальне по всему лагерю; то в сторону источника, находящегося в центре стана, но нет, – вроде и не запрещает никто, не сторожит, но дорожка под ногами стелется, стелется, шуршит песком, и вновь приводит к шатру собрания.

Стражник только сзади идёт, похмыкивает. Да и какой стражник, – мальчишка. Меч в ножнах хорошо не детский. Усы еще только над верхней губой светлыми волосками пробиваются.

Все они здесь светловолосые, голубоглазые. Как будто выбеленные светом. Но кожа, – не потемневшая от загара, не такая, как бывает у торговцев, приходящих с караванами в Город, продубленных солнцем, иссушенных ветром.

Да и в стане не жарко, ветер не обжигает. У шатров трава зеленая. Когда они траву-то успели вырастить? Вся пустыня

высохла уже, а у них зелено. Дети на траве играют. Неужели скорпионов не боятся? Ведь если в траве подберется, так и не увидишь. А укусы смертельны. Потом понял, – не боятся. Ничего они здесь не боятся.

Девушка идет с кувшином на плече, улыбается. Одежды длинные, струящиеся, по краю вышивка узором затейливым. Хочется присмотреться, а не получается. В глазах все как будто расплывается. Прошла неспешно, только песок под сандалиями шуршит. А улыбалась ли? Лица не запомнил. Только волосы. Былые. Распущенные. Вроде бы. А может и не распущенные? Все здесь вроде. Все не так, как кажется.

Мысль начнешь думать, – забывается. В договор хотели дополнительных плат ежемесячных вытребовать, забылось. Потом снова вернулись. Торговец их, Лойд Хаварт, сидит, улыбается радушно, – Что-то забыл, Князь?

Вроде забыл, а что не помню, – стою, – дурак дураком.

Торговец еще шире улыбается,

– Хорошо, что вернулись. Мы хотели предложить выплаты в Город. Ежемесячные.

Я дернулся, вспомнив, и подписал дополнительный пункт. Домой приехали, в свиток заглянул, – прописана сумма, что и хотели получить. Позже понял, – я же её не назвал. Или назвал? Что же это за пустынные такие?

А потом увидел Дару. И другие женщины меня перестали интересоваться. И в стане, И в Городе. Я просто перестал их замечать.

Любимую наложницу, пришедшую как-то ночью в мои покои без спроса, велел продать, -пришлым, чтобы никогда больше не видеть. Правильнее было бы, конечно убить, тем более, что и повод был, но потом передумал.

Что-там Вождь говорил про тело как Сосуд, хранилище Света. Тело было молодым, жарким, вспыхивающим от моих прикосновений мгновенно. Не понятно было только, откуда в ней взялся Свет.

За оскорбление Князя полагалась смерть. А что это как не оскорбление, если тебя видят голым и беззащитным? Пожалел. Хотя и обманывал себя, что решил по Справедливости. Ведь она уже спала в моей постели. Могла и ошибиться, приняв разовое разрешение за постоянное приглашение.

А стражника казнил. Сам. Потому что он, как раз приказ нарушил.

Да и мысли в его голове вертелись пакостные, нечестивые. Подсматривать собирался. И за Князем, и за чужой Женщиной. Дурак. Думал не узнаю.

Остальных наложниц тоже велел продать. А сам поехал к Вождю, просить отдать мне его дочь.

Вождь ответил категорически, – Своих за чужих не отдаём.

Колдун тогда спросил, это твоё последнее, слово, Вождь? – и по возвращению в Город предложил мне другой план.

С воплощением пришлось повременить, да и сама под-

готовка заняла немало времени. Но тогда казалось, что всё пройдёт просто. Каким самонадеянным я был! С этими пустынноиками никогда просто не было.

Прав был Колдун. Слова Вождя ядом проникли в моё нутро, меняя и перестраивая Тьму, казалось развеивая её, нарушая сами основы. Справедливость больше не казалось единственно правильным мериллом.

Вестник прискакал в полдень. «Если Князь не передумал, то ритуал будет проведён завтра на рассвете».

Князь, не передумал! – я считал часы, стоя на городской стене и глядя вниз, на кочевой стан.

Хотел попросить Колдуна, отвести меня к Даре, но его нигде не могли найти.

Колдун исчез из Города. А я считал его своей правой рукой. Почти другом. Хотя слово Друг звучало странно, напевно, из языка детей пустынь. В нашем, – такого понятия не было.

Жрец, связавший нашу Тьму на рассвете, связал и наши души, – там, где они соприкасались, давая возможность понимать друг друга, почувствовать Тьму друг друга.

Обычно мужчине после обряда доставалась Сила, женщине – Слабость. Поэтому-то и нельзя было трогать чужих жен. Владея чужой слабостью можно управлять миром.

Колдун исчез вместе с амулетом, позволяющим мне понимать детей пустынь. Хорошо еще, что вестник принёс по-

слание на нашем языке. Иначе бы я не понял.

Хотя, если вспомнить, они всегда говорили с нами на нашем языке. Не идеально, но понятно. Странно, когда только успели выучить?

До рассвета следовало помыться, одеться, и выйти за городскую стену. В городе нам не советовали оставаться, – во избежание, так сказать. Во-избежание чего, – непонятно. Но рисковать никто не стал.

Вождь ждал нас у городской стены. Один. В Руках табличка. Выглядело всё как-то слишком просто. Нас осталось не более сотни. Если считать по мужчинам.

Женщин и детей в расчет никогда не брали. Хотя они естественно стояли здесь же, как и старики. Мужчины без оружия, все босые, у женщин нет украшений. Вообще никаких предметов. Нательная рубаха, волосы распущены. Все как было велено.

Вождь поднял на меня глаза. Бледные, серебряно-голубые, они обещали мне смерть.

Глава 7. Ритуал

– Я попрошу Милосердного остановить солнце, чтобы оно не вошло, – приблизившись, Вождь смотрел на Князя и как будто сквозь него; все затихли, боясь проронить хоть слово.

– Вы же забудете сейчас обо всём. Выбросите из головы все желания, мысли, страхи, почувствуете пустоту внутри, разрешите быть себе изначальному, – Князь, внутренне холодея, понял, что с момента его приветственного жеста, Вождь ещё ни разу не разомкнул губы.

– Ай, да пустынник! – подумал Князь, – Даже Колдун так не умел.

Заканчивался предрассветный час.

– Не гоните Тьму, но и не подчиняйтесь ей! – голос Вождя, звучал казалось для всех и никого в отдельности, гулко возникая сразу в голове, наполняя собой, создавая звенящую пустоту внутри, вытесняя все мысли и ощущения.

– Впустите внутрь Свет Вездесущего, как этот мир впускает солнечный свет, – не повышая голоса, он смог быть услышан каждым, – от воинов, стоящих сразу за спиной Князя, до стариков, замыкавших ряды, и находящихся ближе всего к городской стене.

– Для каждого из вас, солнце взойдет сегодня в разное время. Сейчас, когда души ваши открыты Милосердному, –

просто поднимите глаза и протяните руки к небу, становясь сосудом для Света! – звучало как-то слишком просто и дико одновременно. – А когда почувствуете наполнение, – закройте глаза и опустите руки.

Вождь продолжал говорить какие-то казалось, обычные вещи о том, что никто не знает себя до конца, ведь лишь выпуская в комнату свет, можно увидеть то, что пряталось в темноте, что даже пустыня оживает, нужно лишь оросить её, дав солнцу делать свою работу;

Голос лился без перерыва, слегка растягивая слова, отчего они звучали странно певуче.

Заглянув, казалось в самое естество, подготовив каждого, как хороший виночерпий омывает и готовит кувшин перед тем, как налить в него дорогое вино, – Вождь начал Ритуал.

Люди застывали, послушные Голосу, поднимали руки, каменья; застывало само время.

Стих ветер, шепчущий свою первую рассветную песню, зависла в небе маленькая пестрая птичка, неожиданно прервав утреннюю трель. В воздухе повисло марево. Краски выцвели. Мир стал серым.

Хаварт воздел одну руку к небу, держа в ней небольшую табличку, вторую, с посохом, направляя на стоящих перед ним людей, – и разомкнул губы.

Голос его теперь не плыл над пустыней, он грохотал набатом заполняя всех и каждого, останавливая время. Обрываясь на уровне, уже недоступном человеческому слуху, а мо-

жет и не обрываясь вовсе.

Казалось, весь мир подчинился этому Голосу, покоряясь. И когда казалось, что грохот, пульсацией своей разрывающей барабанные перепонки, убьет все живое, Вождь произнёс Имя.

Имя, которое нельзя было ни запомнить, ни повторить. Оно звучало, рождаясь на границе восприятия, самым тихим шелестом, поднимаясь и увеличиваясь, в росте своем, взметнувшись вверх, грохоча обвалами в далеких горах, и раскалывая небо.

Через раскол этот упал луч Света. Поначалу тонкий, как линия, он, постепенно расширяя разлом, усиливался, становясь все ярче, горячее, набирая плотность и объем, заполняя собой пустоту, созданную Вождем.

Спросив согласие на прохождение ритуала, Вождь не сказал, что чем позже человек пройдет ритуал, тем жестче свет, принимаемый им.

Ведь если можно выдержать час, спрессованный в минуту, то невозможно выдержать силу полного раскрытия, спрессованного в миг. Сосуд, даже наполненный Тьмой, все равно сосуд. Чем он больше, тем больше Света способен принять, Света, выжигающего Тьму.

Полное раскрытие сжигало душу также, как Полуденное Солнце сжигает любую жизнь.

Время нельзя перескочить. Его нужно прожить. Так и рас-

крытия происходят не автоматически. Постигание каждый совершает сам, и только когда он к нему готов.

Ритуал этот существовал с незапамятных времён, данный еще первому Хаварту.

Дети пустыни проходили его во младенчестве, принимая первый и единственный луч Света, учась с ним жить, постепенно раскрывая законы мироздания.

Пришлые также проходили Ритуал на рассвете, всегда с добровольного согласия, как обряд вступления в племя. И чем чище была душа, тем легче человек проходил Ритуал.

У каждого из Хавартов были собственные раскрытия. Кто сколько мог, тот столько и вмещал.

У каждого в племени было своё место, своё имя, свой путь.

Лишь Вождь, принимая Посох и имя Неназываемого, впрессованное когда-то, в расплавленный Ритуалом песок, терял своё имя, присоединяя к себе суть каждого, объединяя собой всех и становясь просто Хавартом.

К Милосердному нет длинных дорог и неправильных путей.

Можно было учиться всю жизнь, можно было спать на уроках.

Закон гласил: ты часть Мироздания, его неделимая крупица.

Ни Жизнь, не принадлежит тебе, ни Смерть. Лишь Вы-

бор. Сиюминутный, каждомгновенный выбор между Светом и Тьмой, принятие своей темной стороны, умение запеленать черноту души в сияние Извечного.

Когда у Вождя родился четвертый сын, ему дали имя Рам. Охотник.

Его слух с детства был так тонок, что различал шорох змеи, ползущей за границей стана. Вот за разделыванием этой змеи и застал его отец, когда мальчику едва исполнилось три года.

Рам резал змею на куски. Начиная с хвоста. Живую.

Убить ее сил у него не хватило, но, как он потом объяснял, – хватило сил попросить не шевелиться.

– На каком языке ты просил змею? – спросил тогда отец,

– Ну конечно на змеином, – ответил Рам, – Она же не понимает язык Хавартов.

Праздник трехлетия должен был состояться вечером. И Суть ребенка, еще до недавнего времени скрытая за пологом младенчества, так ярко проявилась впервые.

А сам он, лишь недавно отнятый от материнской груди и переведенный утром на мужскую половину шатра, грустя и сучая по шумной, веселой матери, сумел незаметно и тихо исчезнуть из-под надзора старших братьев и найти себе развлечение.

– Ты будешь Охотником, – сказал тогда отец, возлагая руку на голову мальчика, и отвел его к охотникам на учебу,

предварительно заставив сына убить змею, выпущенную из плена гипноза.

Вот тогда Раму было по-настоящему страшно. Наверное, в первый и последний раз в жизни.

– Охотник всегда принимает бой, – сказал ему отец,

– И бой этот, единственное, что судится по Справедливости. Жизнь против Жизни.

Рам до сих пор задавался вопросом, что бы сделал отец, если бы змея победила? Ведь у мальчика в руках был лишь детский кинжал, который вручают трехлеткам при отлучении от матери, а змея была с него размером.

– Наверное змея была ослаблена от ран, – подумал тогда Рам, и отец был уверен, что у мальчика есть все шансы на победу.

Но точный ответ он не знал и знать не хотел, поэтому вопрос так никогда и не задал.

А потом годами учился жить с этим страхом смерти, загнанным в глубину, ощущением, что каждый твой миг может быть последним.

Никто в племени не умел лучше него выследить зверя, никто не знал, как отвести взгляд дикому буйволу во время гона.

Рам с одинаковой легкостью понимал и язык птиц, и язык зверей.

Но никогда больше не останавливал он их гипнозом во время охоты.

Забрать чужую жизнь, можно лишь положив свою на вторую чашу весов.

Если, конечно, не брать в расчет жетон на убийство, который выдавал совет Старейшин для приведения приговора в исполнение.

Убийцу перед закатом выпускали за Стан. Палачей в племени не было. Жетон на рассвете получал кто-то из кровников.

Впрочем, и здесь Жизнь была против Жизни. Из пустыни возвращался лишь кровник. Если не погибал, конечно. Ну, или, если, убийца не принимал Нить Милосердного, скрываясь в Убежище. Не всякий решался, потому что это такое спасение, что хуже смерти.

Кто-то, в племени, идя по пути раскрытий, достигал высот мудрости, пророчеств, умел чувствовать силы природы; кто-то видел болезни и умел их лечить; кто-то понимал силы земли; а кто-то просто жил. Каждый шел по своему пути.

Главным было не нарушать закон. Да и дураков не находилось. Порча выходила сразу, проявляясь гниющими зловонными пятнами на теле, руках, иногда обезображивая лицо, становясь видимой всем. Таких людей отделяли за стан. Для очищения. Иначе болезнь расплзлась по одежде, предметам, жилищу.

Если человек не проходил собственный суд, не менялся, то в стан он уже не возвращался.

Внутренняя гниль убивала быстро.

Хотя даже и без этого, в пустыне выжить было нельзя. Благодарить за пределы стана не выходила.

Побывав в Черном Городе, увидев Тьму, наполнившую там все и всех, Вождь точно понимал, что окончание сегодняшнего Ритуала для многих городских совпадет с окончанием жизненного пути.

Еще до полудня, Вождь надеялся избавиться от неизвестно как случившегося зятя.

Он ничего не знал о тенях и не поверил Дарину, разбудившему его ночью криками о том, что Дара будут Черной Княгиней. Сны вещи ненадежные, а Дарин слишком любил сестру. Мог и выдумать.

Первыми отмерли дети, их ауры окрасились свойствами души. Вместо серых, стали разноцветными. Дети всегда легко принимали Свет.

Отмер князь, его багровая аура приобрела золотой оттенок. Воин. И Торговец.

Начали приходить в себя женщины. Женское любопытство и вера в чудеса сильнее страха смерти.

Многим понадобится сегодня помощь врачей.

Свет беспощаден и входя в душу, открывает её полностью, показывая всю неприглядность Тьмы. С этим еще нужно научиться уживаться.

Мужчинам было тяжелее всего. Многие придут в себя

лишь через несколько дней. Несколько человек погибло. И с этим ничего нельзя было теперь поделать.

Кровь на руках Князя. Груз на плечах Вождя.

Когда все закончилось, Князь подошел к будущему тестю. Хотя почему будущему? Метка на руке Князя никуда не делась, – Я сделал то, что ты хотел, Вождь, – черные глаза смотрели жестко, – Когда обряд единения?

Хаварт окинул его нечитаемым взглядом, задержавшись над головой Князя. Через кроваво-золотую ауру проступало зарождающееся сияние. Аура Вождя. Самое жесткое принятие. Изменение от Я до Мы. Способность присоединять и объединять души народа.

– Если ты будешь в силах, – то после заката, когда выйдет первая звезда, – не торопясь проговорил Вождь.

– А что не так, с моими силами? – удивился Князь.

Вождь усмехнулся,

– Еще не вечер, – и показал тому за спину,

– Уверен, что твои люди готовы к празднику? – и развернувшись, побрёл в стан.

Князь оглянулся. Жители города, многие из которых, годами не выходили за крепостную стену, сейчас выглядели в большинстве своём крайне растеряно. Они сидели, стояли, некоторые просто лежали на земле с глупыми выражениями лиц. Кто-то рыдал в голос. Кое-где дымились обугленные пятна. Среди всего этого хаоса бегали дети.

– Мы справимся до вечера, – ответил Князь, поворачиваясь к Вождю.

За спиной никого не было. Лишь ветер гнал по пустыне куст верблюжьей колючки.

Глава 8. Свет и Тьма

Отец вернулся с ветром. Прощелестел внутрь тихим сквозняком, отодвинувшим полог шатра, и вышел уже человеком.

Пустыня унесла куст верблюжьей колючки. Он стоял в парадном ритуальном одеянии, уставший, разом похудевший. Лишь глаза сияли Светом Неназываемого.

Обычно после таких ритуалов отец не выходил подолгу, иногда оставаясь внутри на несколько дней.

– Возвращаю себя в человека,– говорил он, улыбаясь в усы, когда я маленькая, еще рисковала задавать вопросы.

Отвечал он всегда, но понимать многие вещи я стала лишь спустя годы.

– Мы рабы перед Светом, потому что невозможно противостоять Милосердию. Ведь если капля воды питает росток, то водопад убивает всё живое. Свет нужно контролировать также жёстко, как и Тьму.

После Ритуала к нему запрещалось обращаться и с просьбами и вопросами.

Я сидела под навесом, молчала, пережидая. Подняла на него глаза. Как, наверное, это здорово, когда мир открыт и однозначен. Когда нет сомнений и страха перед будущим, когда можешь прочесть каждую мысль любого существа,

увидеть его воспоминания, забрать его боль, вылечить его душу...

Я дёрнулась. Вот дура! И опустила глаза, заливаясь краской стыда.

– Ты не виновата, – отец смотрел на меня и внутрь меня, будто заледенев, не двигаясь, лишь голубое сияние, плескавшееся в глазах, отличало его обычного человека. И меняло всё, также как луч солнца, упавший на водную гладь, меняет всю поверхность на что-то непостижимое, сияющее. Вроде бы и вода, а смотреть невозможно.

Я вновь заглянула ему в глаза, обмирая от страха и боясь найти там осуждение? Гнев? Презрение? И понимая, что совершила, возможно, самую большую ошибку в своей жизни.

Если бы я все рассказала ему вчера, когда мы приехали, наедине, можно было бы сохранить это в тайне. Отец всегда говорил, – Что происходит в шатре, – из шатра не выходит.

Не сегодня. Сегодня он был единым сосудом Света. И то, что принимал, – узнавали все. Ну, если конечно, был вопрос. Ответ на пустое место не приходит.

Так и я, заглянув в это сияние, узнала о том, что Князь в ожидании Ритуала провёл бессонную ночь на городской стене, что он ждёт обряда со мной, что его аура стала тройной. А ведь редко, когда душа выдерживала силу сплетения двух путей.

– Ты не виновата, – отец легко коснулся ладонью моих волос, и развернувшись, ушел в шатёр. Легкость его касания

никак не совпадала с тем, что я увидела в его глазах.

Полог опустился.

В такие моменты мне казалось, что внутри не шатер, каждый уголок которого заполнен знакомыми с детства вещами, а другой мир.

Пустота черного каменного мешка, в котором я сидела по-запрошлой ночью не была так страшна, как та тишина, что скрывал сейчас этот полог. Тишина, невозможная для живых.

Мы все шевелимся, дышим, двигаемся. Сейчас я не слышала изнутри не звука. И входить в шатер было строжайше запрещено.

Но у меня не было другого выхода. На плохо слушающихся ногах я подошла к входу.

Мне нужно было, чтобы отец отменил принятое решение. Решение, последствия которого изменят жизнь всего племени. Решение, которое положило на одну чашу весов мою честь, а на другую, – жизнь всех людей, прошедших сегодняшней Ритуал.

– Отец, они приняли Свет! Это нерушимо! – я отодвигала край полога, не пытаясь зайти, обманывая себя, как когда-то в детстве. Заходить внутрь нельзя, но про открывать завесу ничего сказано не было.

На меня обрушился грохот и свет. Казалось, что в шатре бушует солнце. Слепленная и оглохшая я шарахнулась назад, опуская ткань. И бросилась в свой шатер, сбивая всё на

своём пути, падая и вновь поднимаясь, задыхаясь от ужаса и боли.

Если бы у нас была обычная семья, то шатер наш выглядел бы, как и другие, стоящие вдоль дороги, повернутые входом наружу, с навесом над циновкой, на которой хозяин дома обычно принимал гостей, и где сидели мужчины после длинной рутины ежедневных дел, ведя неспешные разговоры и попивая обжигающий отвар.

Если вечер был холодным, то гостей принимали на мужской половине, куда жена хозяина приносила через внутренний проход угощения и напитки. В женскую часть заходил лишь хозяин. Точнее, в сам шатер, в котором проходила жизнь всей семьи, с очагом в центре, на котором готовили еду, грелись вечерами, сидя на тюфяках, разложенных по кругу, Единственным, что отделялось завесой, было родительское ложе. Туда детям вход был запрещен. Кроме ребенка, которого мать кормила грудью, и которого переводили в общее помещение после праздника трехлеток, забирая его от власти матери во власть отца.

Когда мальчику исполнялось двенадцать, и его сущность выходила из-под отцовской опеки, он мог поставить себе шатер, примкнувший к родительскому, но с отдельным входом. Обретая пару, он переносил свой дом на свободное место неподалеку, расширяя его, отделяясь таким образом от родителей, увеличивая место рода.

Наша женская половина была мертва. Насколько я знаю,

отец после смерти матери, ни разу не лёг больше на её ложе. После отселения братьев во вторую половину вообще не заходили. У меня был свой шатер. Примыкающий к отцовскому, но отдельный. Отец построил мне его своими руками в тот день, когда у меня началось женское. Отделив от своей сути, наложив запрет на вход в шатер любому, в том числе и себе.

– Дом, – место твоей женской силы, – говорил он. Место, куда ты приносишь страхи и где принимаешь решения. Место, которое лечит твою душу и укрепляет твоё тело.

Здесь я просидела весь вчерашний день после возвращения из Города. Вспоминая, каждое мгновение из произошедшего и только сейчас начиная осознавать случившееся. Мучимая страхом и волнением. Не в состоянии принять решение.

Здесь я и просидела весь вчерашний день после возвращения из Города. Вспоминая, каждое мгновение из произошедшего и только сейчас начиная осознавать случившееся.

Отец вызвал меня, лишь когда на закате собрались все братья, примчался Лохем, которого похоже никто не ждал, и загнавший лошадь, чтобы успеть на Совет. Старейшины, перед принятием решения, выслушивали всех.

Мать Лейлы, за последние два дня опухшая от слез, стояла на коленях в пыли.

Женщина выглядела полубезумной. Волосы ее, по обычаю посыпанные пеплом, казалось потеряли цвет. Душа би-

лась от бессильной ярости, но кто бы смог ее успокоить сейчас? Только муж, наверное, если бы был. Но он погиб на охоте, когда Лейла была совсем маленькой. И мать так и не смогла больше образовать пару. Лейла была единственным ребенком. Ее похоронили предыдущей ночью.

– Справедливости! – рыдала женщина, – я требую Справедливости! – дайте мне Жетон!

Подошел Лохем, качаясь от усталости, зачерпнул пепел из кострища, посыпая голову пеплом, бухнулся на колени рядом, проскрежетал пересохшим горлом: – Я любил Лейлу. Хотел взять её в пару. Я почти кровник. Отдайте жетон мне.

Я смотрела во все глаза, прикусив зубами пальцы сжатого кулака: сказать или не сказать? Позор ведь какой будет. И боль для брата.

Лейла не собиралась становится ему парой. Пока он искал нас на празднике, она выманила меня, чтобы познакомиться с Колдуном. Как же все это было странно.

Когда они успели познакомиться? Ведь за стан мы не выходили ни разу до праздника, а по лагерю городским была одна дорожка и та заговорена. От входа в стан и до шатра собрания. Рам сам прокладывал, сам нашептывал. Он в этом силен. Кто из наших по тропке шел, укрыт был от чужих. Не мог Колдун Лейлу соблазнить, не мог.

Или мог? До того, как ночью, князь меня в Тьму закутал и сквозь стену прошел, я тоже думала, что это лишь сказки, которые сказитель у костра детям рассказывает. Но ска-

зитель ведь старый, как мир. Может и перепутал чего?

Оказывается, не перепутал.

Князь тогда меня у Колдуна с рук забрал, и к купальням понес. Я этого не знала, очнулась уже в воде. Кругом камень, все черное, звук от стен отражается, множится, и где-то высоко под сводами теряется. Капли сверху падают: кап-кап-кап, как в склепе. Лишь факелы потрескивают, темноту разгоняют, в воде бликами отражаются, словно в черном зеркале. Вроде бы страшно должно быть, ан нет, не страшно совсем. Внутри кровь бурлит, просыпаясь, веселье по венам бежит и томление внизу живота разливается.

Он меня мыльным камнем моет, волосы расплетает, нашептывает. От слов тогда и проснулась. Поняла, что заговор Князь сделать хочет. А самой весело. Почему весело?

Я засмеялась, – Князь, на детей пустыни ворожба не действует!

Князь улыбнулся, – Ну не действует, так не действует, – а сам руками меня оглаживает, во все впадинки забирается. Вроде как моет, а вроде уже и нет. Рукой по груди прошел, самую вершинку сжал, а я не против, – внутри огнём всё горит.

– Я, говорит, – так мечтал до тебя здесь дотронуться, поцеловать, – и сосок губами сжимает, – Столько раз это во сне представлял, как волосы твои распускаю, – теперь не могу не распустить. Плывут волосы по воде, струятся. Руки жадные, скользят по моему телу. И губы.

А у меня лишь один вопрос, – Когда это он успел намечтать себе все это, если я его второй раз в жизни вижу?

А вода в той купальне странная была, черная. Это я даже своей задурманенной головой тогда понимала. Вода, которая не охлаждает, а наоборот.

Или это Князь меня своей страстью заразил, или вода, но я из этого сладкого морока выплыла, в себя пришла, лишь когда почувствовала, что он мне ноги раздвигает и своим естеством проникнуть в меня пытается.

Смешно мне тогда стало, да так, что даже морок отхлынул. Князь не понял. Отстранился, в глаза заглядывает:

– Что не так, Дара?

А я смеюсь, – Как ты Князь смерти не боишься? Ведь если наши две крови в воде, упавшей с неба, смешаются, я твою тьму возьму, а ты мой свет. Обряд это. Единения. Вы ведь сюда воду небесную собираете? Я желоба видела.

Вот тогда Князь меня на руки поднял, в Тьму закутал, и в стену шагнул. В купальне под Городом шагнул, в своих покоях в самой высокой башне вышел.

И пообещал мне, – Я с тобой, мой Свет, могу любым обрядом объединяться, и если бы отец твой согласился, то был бы обряд ваш сначала, а спальня потом.

И если бы ты вчера согласилась, то был бы обряд наш сначала, а спальня потом.

А теперь будет сначала единение, а потом уже обряд, – все это я слышала, как сквозь туман, лежа на огромном ложе, и

уплывая в горячем морозе в совершенно незнакомые ощущения.

Князь покрывал меня поцелуями, не отпуская, доводя до сумасшествия; лаская там, где и ласкать, кажется, нельзя; нашептывая слова, – горячие, стыдные.

И когда я уже стонала в голос, сгорая кажется от нетерпимого этого наслаждения, скручивающего низ живота, желая разрядки и не понимая, чего желаю, он, нависнув надо мной спросил,

– Ты будешь моей Дара? Ты примешь мою Тьму?

И я сказала, – Да!

– Рэдгар, – выдохнул Князь мне в губы, – меня зовут Рэдгар, и я соединяю нашу Тьму.

А потом на меня обрушилась боль и я, теряя сознание, поняла, что, оказывается, во мне тоже есть место для Тьмы.

Злой, голодной, жадной. Тьмы, о которой я и не подозревала до этого момента.

Глава 9. Лохем

Лохем шел к Городу. Загнав коня, чтобы вернуться в стан, нового он не получил.

Отец сказал: если чужих ног не жалко, так и своих не жалей.

Старейшины на рассвете жетон не дали, ждали возвращения Вождя. А внутри боль жгла огнём. И боль эту было не удержать.

Лохем ждал сколько мог, потом решился, встал, и вышел из стана. К Даре заходить не стал. Боялся не удержать рвущуюся черноту.

Когда он ложась спать, закрывал глаза, души убитых им людей начинали свой танец, мелькая бледными тенями на обратной стороне век.

– Убийство всегда убийство, – говорил отец, – Но если ты должен его совершить, то обязан сделать это быстро.

Даже в самой грязной душе есть искра Света. Самый жестокий варвар возможно любит свою мать, а последний скупец, – боготворит жену. Неважно воплощение этой искры, важно, что, убивая, ты лишаешь душу возможности расти.

В жизни его всегда все было просто и ясно. Характер не пускавший в душу сомнения, делил мир монохромно: черный-белый, враг-друг.

Одно событие вышло из этого ряда и до сих пор не нашло оценки в его полярном мире, – смерть матери.

Лохем помнил ее веселой, певучей, смешливой, всегда вертящейся вокруг очага, заговаривающей мальчишеские синяки и шишки. Мальчиков было пятеро, и приключений у них хватало. Внутренний двор, образованный шатрами, выстроившимися по кругу, казался слишком маленьким для забав.

– Место для малолеток, – важно говорил Гарон. Приближался праздник отделения, и его суть рвалась наружу, подчиняя. Мать поручала ему младших, а он водил их за собой, как гусыня водит гусят, лишь Голосом управляя всей ватагой. Узнав об этом отец, обычно не вмешивающийся в детские забавы, увел сына в шатёр.

Что там произошло, никто не знал, но после этого, Гарон больше Голос не применял:

– С Даром управлять легко! – объяснил он тогда брату, – Важнее управлять, чтобы слушались без Голоса. – и добавил, – Всегда можно найти ту петельку, за которую зацепиться, сделать послушным, ведомым.

Лохем смотрел на брата с обожанием. Для него Гарон был идеалом, предводителем, организатором всех проказ и образцом для подражания. С остальными было скучно. Мелкота.

Скоро Гарону двенадцать.

Отец разрешил ему построить свой первый шатер, или

пойти жить в ташув, – место для учебы, где мальчики жили и росли вместе, возвращаясь в родительский шатер лишь раз в неделю, на ночь единения, когда вся семья собиралась у огромного низкого стола, и после общей благодарности Милосердному, после обильной и вкусной еды, приготовленной матерью, можно было, лежа на разбросанных вокруг подушках, до самого темного часа долго рассказывать и расспрашивать обо всём на свете; слушать дедовы истории, которые нашептала ему пустыня; смотреть в пламя.

Дед был сказителем и истории его всегда сочные, длинные, были настолько подробными, что казалось, он просто пересказывает чью-то жизнь. Хотя Гарон считал, что дед просто выдумывает. Лохем брату верил. Он всегда ему верил.

Всегда, кроме того раза, когда Гарон вошел в шатер и чернея лицом, проталкивая невозможные слова через вдруг осипшее горло, выдохнул, – Мама... умерла.

А кто бы в это поверил? Роды не были чем-то страшным. Женщины в племени рожали часто. Сколько мальчик себя помнил, мама всегда или кормила грудью, или была беременна. Иногда и то и другое. Женский путь.

Лохем засмеялся, – Вранье! Мама рождает нам еще одного брата! Бабушка сказала, что у нас в семье скоро будет семеро мужчин! – и каменея лицом, не осознавая еще, что мир его рухнул, начал кричать по-звериному, воя, без слов, размазывая последние в своей жизни слёзы по грязным детским

щекам.

И пошел проверить сам, твердя: – Нет! Нет! Этого не может быть! – повторяя снова и снова, не впуская ужас внутрь, надеясь на то, что произошла какая-то нелепая страшная ошибка, и что мать потреплет его по волосам, прижмёт к себе, и шепнёт в ухо, – Защитник мой! Ты хорошо защищал семью, пока меня не было? – она всегда так спрашивала, когда возвращалась.

Уходя к повитухам рожать, – поручала ему защиту.

Наклонялась, легко целуя в щеку, и спрашивала, – Помнишь, что на тебе младшие? Ты мой защитник, – и Лохем, которому было восемь, знал, – на нём защита семьи, братьев, и, наверное, даже отца. Хотя отец казался небожителем, которому не нужна никакая защита.

Взяв с собой четырехлетнего Рама, Лохем пробрался в шатер повитухи. В-принципе, пробраться мог и сам, но не незамеченным.

В шатре было необычно светло. Валялись кучи тряпок, покрытых багровыми засыхающими пятнами – откуда столько крови, – подумал мальчик. Матери нигде не было.

Хорошо, что Рам остался снаружи, – пронеслось в мозгу, и обходя шатер по кругу он двинулся к небольшой детской люльке для двойни, откуда доносилось то ли мяуканье, то ли писк.

Девочка оказалась совсем крошечной и была вся перетянута бинтами. Страшная, багрово-синяя кожа, сморщенная

там, где ее хоть как-то было видно из-под повязок, кое-где пропитанных кровью, и казалась ненастоящей. Это был самый некрасивый младенец, которого Лохем видел в своей жизни.

Брат, которого они так ждали всей семьей, был почти вдвое больше девочки и мирно спал рядом.

Лохем взял малышку на руки, замечая насколько она легкая, и испытывая, впервые, – жалость? любовь? – прижал её к своему сердцу. Застыв от пронзившего его невозможно болезненного ощущения и утраты, и обретения, понимая, осознавая всем своим маленьким существом, что вот оно, это его предназначение, – он Защитник. Пропуская через сердце наказ матери, который исполнял обычно лишь чтобы угодить ей. И стал Защитником. С этого мига и до последнего вздоха. Его или её.

Все последующие дни, во время обряда похорон, и после, – Лохем крутился рядом с кормилицей, с готовностью предлагая свою помощь с девочкой. Забота о маленьком брате его не очень волновала, скользя лишь командой по периферии сознания: защита.

Кормилица, которая не могла справиться с только что прооперированной малышкой и её братом, орущим не по детски сильным басом, стоило ему на миг отдалиться от сестры, – была несказанно рада этой неожиданной помощи. Но вскоре поняла, что мальчик готов и есть и спать у детской люльки, выпуская малышку из рук, лишь когда в них уже не

оставалось сил. И потребовала в помощь служанку.

– Смотрите, какая красавица, – говорил Лохем, искренне любуясь, и показывая всем маленькое сморщенное личико, едва выглядывающее из кулька и наконец-то начинающее приобретать нормальный цвет.

– Ты самая-самая красивая! – шептал он ей. – Просто они этого еще не видят, – и готов был драться с любимым, видя косою взгляд или неподобающее, по его мнению, выражение лица. Хорошо, что девочек выносили на собрание племени лишь через месяц. Таких выражений лиц было немного.

Братья, включая хитрого мелкого Лойда, быстро смекнули, какой ответ самый правильный, и на бесконечные вопросы Лохема, – Правда она самая красивая? Правда она самая умная? – дружно кивали головами.

Лойд и Рам, скорее всего даже не осознали трагедию, обрушившуюся на семью. Их лишь радовали бесконечные игры, которые организовывал им Гарон.

Край замкнулся в себе и чуть не устроил пожар в шатре, без конца вытаскивая из очага разогревающее там железо, и руками сминая его в миски, чашки, плоски, – любой предмет, попадавшийся ему на глаза, вскоре оказывался скопированным. Откуда он брал железо? Иногда вдруг исчезал вместе с Рамом на несколько часов, принося в руках странные куски темной породы. Выкапывал он их что ли? На все вопросы, – где взял, – лишь мотал головой: там. Была бы мать, – она бы вызнала. Она вообще всегда и всё про всех

знала, легкой птицей порхая по дому, ненавязчивая и неотступная одновременно. Но матери не было.

Край совсем перестал разговаривать, все своё время теперь проводя у огня, и руки его, казалось, жили своей жизнью. Мальчик их почему-то не обжигал, а вот циновки не выдерживали. Стоило ему забыть и опустить заготовку мимо стоящей рядом подставки, как в воздухе отчетливо разносился запах гари.

Гарон, не дождавшись решения отца, отвёл брата в кузницу и договорился, что мальчик теперь все свои поделки мастерит там. Лохема он оставил охранять младшего брата. И как тот не рвался, не буйствовал, Гарон был непреклонен. Ты защищаешь всех. Всю семью. А Дара уже у отца в шатре. Ее охраняет Милосердный. Пока отец не передаст Края под присмотр наставника, с ним должен обязательно быть кто-то из семьи.

Так Лохем научился чувствовать Дару, даже если она была далеко. Он всегда знал, весело ей или грустно. Плачет её душа или поёт.

Когда отец отправил его вчера организовать для девушки убежище, Лохем счёл это разумным. Князь же не отвяжется. Дара была спокойна, чувствовала себя ровно, находясь где-то в Городе. Оставалось только из Города вызволить её и хорошенько спрятать. А прятать пустыnnики умели. По всей равнине находились города-убежища. День пути до каждого и между всеми. Тот, кто не знает, и не найдет никогда.

Рядом будет стоять и не увидит. Можно еще было в бывший стан её отправить, где осталась часть племени, – это гораздо ближе, но опаснее. Наверняка будут искать по всей округе.

Солнечный камень, данный отцом точно вёл Лохема к отшельнику. К тому убежищу, что сейчас было пустым. Найти его можно было лишь так. Ну или по нити Милосердного, спасаясь от кровника. Милосердие выше справедливости. Для тех, кто его принимает.

Потому что прийти туда убийца мог. Прийти, – но не уйти. До последнего дня. Сначала учась, а потом, после смерти наставника, -обучая. Самой ужасной была участь тех, кто терял наставника раньше, чем получал искупление. Город схлопывался, уходя в песок. Место, держащееся лишь на Свете Милосердного и Благодати Наставника, – исчезало бесследно.

Также в убежища приходили учиться те, кто ставил путь постижений выше пути мирского. Принимая обет послушания на год. Больше было нельзя.

Отец говорил, – Что в мир пришло, – миру и принадлежит. Их путь был вернуть то, что они обретали в этих стенах из белого камня.

Отец дары от Князя не взял, но и не отправил обратно, получив разрешение на вход в Город и переговоры с Князем. Значит её найдут и привезут.

Вождь тянул время, давая Лохему обустроить всё в убежи-

ще, которым давно никто не пользовался. Там жил лишь отшельник. И жил скудно. День пути, – это недолго. Особенно если конь быстрый. А конь у Лохема был быстрый. Черный, огромный, купленный еще жеребенком за огромные деньги, Маэр знал, когда нужно нестись во весь опор.

Всё шло по плану, пока среди ночи Лохема не пронзила страшная, невозможная боль. Не его.

Вернуться с полпути было нельзя. Не вернуться тоже. Домчавшись до отшельника, взяв клятву неразглашения и приказав обустроить место для сестры, Лохем развернул Маэра обратно. Другая бы лошадь пала еще в дороге, но черный скакун, покрытый хлопьями грязной пены, довёз мужчину до самого стана и теперь лежал на конюшне. Целитель проклинал Лохема и пытался спасти жеребца, купленного за солнечный камень и планируемого ранее быть отданным на развод. Лохему это уже было не важно.

Глава 10. Справедливость

За спиной послышался топот копыт. Лохем обернулся, автоматически опуская руку на рукоять меча.

Движение это плавное, слитное, еще не успело закончиться, как воин увидел догоняющего его брата.

– Зачем ты здесь? – хмурясь спросил мужчина.

– Я не вернусь, – прошли те времена, когда старший брат командовал им. Темная ярость, отнимающая остатки разума, билась в его глазах.

– Ты не убийца, – Гарон вытащил из-за пазухи жетон и швырнул его Лохему. Рядом гарцевал второй конь. У седла привязаны седельные сумки.

– Я бы и так добрался, – Лохем продолжал хмуриться не понимая.

– Не сомневаюсь, но потом тебе придется потом исчезнуть на какое-то время, – Гарон бросил ему поводья.

– Что сказал отец?

– Отцу не до тебя.

Лохем по-прежнему не понимал, – А как же Жетон? Как ты его получил? Он именной?

– Нет, – осклабился брат, – Ты же не кровник. Но в мире всё очень условно. И всегда есть много путей к цели. Вопрос, – захочешь ли ты пройти этими путями.

Лохем одним движением взлетел на лошадь, пришпорив коня.

– Ну, я понял, – задумчиво протянул Гарон и двинулся следом.

До Города они добрались быстро.

– Начинай, – скомандовал воин, – Ты должен открыть нам вход в Город.

– Не могу, ответил Гарон, – отец клялся моим именем.

– А моим?

– Твоим нет.

Лохем почувствовал странное облегчение.

– Убирайся! – бросил он через плечо. Когда вершится Справедливость, – для зрителей мест нету, – Ты или со мной, или против меня!

Он поднял руку с зажатым в ней жетоном к небу, и дождавшись звука копыт, пущенного галопом коня, взвыл:

– Справедливости! Я требую Справедливости! – глаза застилала кровавая пелена, –

– Именем убитой любимой! – горло перехватило, но он выдохнул и эти слова:

– Именем опозоренной сестры! – и выдернул меч из ножен:

– Пусть свершится правосудие! И да не останется здесь кровника, который вернёт долг! И да примет Всевышний жертву!

Глава 11. Страх

Я сидела в своём шатре, ослепшая и оглохшая. Под веками до сих пор плясали огненные круги.

В ушах набатом грохотало сердце.

Отец никогда не наказывал меня за непослушание, но лучше бы наказывал. Наказание выдержать зачастую было бы проще.

Сквозь накрывший меня ужас в мозг просочилась мысль, – а если я ослепла навсегда? И страх, как когда-то в детстве, накрыл меня ледяной волной.

Периодически в моей жизни случались события, выходящие за рамки обычной скучной рутины.

Как-то утром, племя, на входе в стан, встречало возвращавшихся после Ритуала. Новых Хавартов. Рабов и пришлых, которые прожив год в стане, решили стать частью народа. Тех, кто принял Свет.

Отец шёл первым, опираясь на посох.

Последним шел Врачеватель, держа под руку мужчину, глаза которого были закрыты полоской ткани.

Мы, дети, увидев их еще издали, в нетерпении приплясывали возле ворот. За стан нам ходу не было.

Вечером должен был состояться праздник объединения

племени, и мы встречали новых соплеменников, как героев. Сегодня вечером Вождь будет давать им Имена.

Я бросилась к отцу, обнимая его и хватаясь за край его ритуальных одежд; засмеялась, показывая пальцами на странного человека:

– Отец, зачем вы ему глаза завязали? Как же он будет ходить? Он же так ничего не видит!

Отец посмотрел на меня сверху вниз и погладил по голове,

– Все наоборот, – сказал он.

– Глаза не видят, поэтому и завязаны.

Я все еще не понимала,

– Почему, отец? Почему не видят? – отец грустно вздохнул:

– Потому что они увидели сразу слишком много.

– Какой глупый! Он ослеп от этого? – воскликнула я, – И зачем нам слепой? Почему вы его не оставили пустыне, если он не принял Свет?

– Он принял Свет, родная, – отец прижал меня к себе, – Но нельзя взять больше, чем можешь унести. Нужно было вовремя закрыть глаза.

– Отец, ему можно как-то помочь?

– Врачеватели попытаются, но это не в руках людей. Глаза его целы, – отец задумчиво перебирал мои кудряшки,

– То, что он увидел, закрыло всё. Увидев единожды, – развидеть нельзя, – он опять вздохнул, – Слава, Милосердному, что душа не сгорела!

А потом заглянул мне в глаза своим сияющим взглядом,
– Пойди-ка, прибери в его шатре, чтобы ему было там удобно, когда он вернется после лечения.

Я не поняла, – А как я пойму, что ему удобно, а что нет? И почему я? Я не хочу! Сколько мне там нужно убираться? Это наказание? Когда я могу вернуться?

Отец усмехнулся, – Нет на свете наказаний. Есть лишь не сделанные вовремя исправлена. Ты сама это скоро поймешь. А вернешься, как только захочешь.

К шатру, который стоял на краю стана, в месте, отведенном для новых Хавартов, меня привёл Рам.

Привёл и сел на циновку под навесом.

– Рам, ты что, не поможешь мне? – спросила я возмущенно.

– Не-а, – ответил старший брат, – Ты же знаешь отца. Он сказал, что помочь должна ты. Значит это должна быть только ты.

Мальчик сорвал травинку, сунул в рот, располагаясь поудобнее. – Я подожду тебя.

– Но я же маленькая!

Рам удивленно поднял бровь, – Тебе почти десять, Дара! И вчера ты сбежала купаться в пустыню! В тот водопад, про который никому не рассказываешь. Кстати, неделю назад его там не было! – он почесал за ухом,

– Так что вперед! Отец же сказал, – вернешься, когда за-

хочешь, – Рам уже вытянулся на циновке, – Не трусь! Я уверен, что это будет быстро.

Снаружи шатер был совсем маленький. Жилище на одного. Ну что там прибирать? Очаг, лежанка, место для еды?

Я отодвинула ткань, делая шаг внутрь. Пахло старыми шкурами и пылью.

Полог опустился за спиной. На меня обрушилась Тьма.

– Рам, что случилось? – крикнула я. В ответ не донеслось ни звука.

– Рам, ты меня слышишь? – развернувшись, я попыталась нащупать выход. Выхода не было.

По позвоночнику пополз страх. Как может быть настолько темно? Ведь снаружи день. Должен же быть хотя бы отблеск тлеющих углей в очаге или свет от отверстия над ним? Не было ничего. Кромешная темнота.

Я начала впадать в панику, хватая ртом воздух. В ушах зазвенело.

Я ОСЛЕПЛА? И начиная в это верить, – закричала, заплакала навзрыд, заметалась по теперь казавшемуся огромным помещению, спотыкаясь и падая, сбивая по пути какие-то предметы, колотя руками в стены шатра, требуя спасти меня, выпустить.

Сколько продолжалась моя истерика, я не знаю. Устав метаться и рыдать, упав в очередной раз, я уже не встала. Свернувшись клубком тихо скулила, – Я хочу вернуться! Пожалуйста! Я! Хочу! Вернуться!

Злость победила страх, – Думай, Дара! Раз отец сказал, что можно вернуться, когда захочешь значит так оно и есть.

Осталось понять, почему это не происходит. И я стала думать, поднимаясь и потихоньку на ощупывая одной рукой пространство вокруг себя, а второй начиная раскладывать вещи, подтаскивая к стенкам шатра все, что можно было убраться из-под ног, чтобы снова не упасть.

В какой-то момент подумала, – А как Хаварт найдет, что я куда распахала? – и начала снова, от входа, нащупав кольца занавеси. Занавеси, которая не открывалась!

Решила идти по кругу, – так проще всего: место, где снять обувь; сундук для одежды; тюфяк для сна, – подушку в дальний край, чтобы случайно не встать ногами; столик, чтобы положить книгу, – расстроилась, зачем ему теперь книга? И опустилась на колени,

– Милосердный! Дай ему возможность читать книгу! Зачем книга слепому? Он так хотел учиться! Для тебя это так просто! Дай ему ЭТУ возможность! Ты большой, сильный! Ты всё можешь! Уменьши ему наказание! Он не хотел! Это по незнанию! Правда-правда! – мне было ужасно жаль этого незнакомого нового Хаварта, привезенного из похода вместе с другими рабами в стан около года назад.

Он был настолько запуган, и забит, что долгое время все считали его немым. Если бы не огромный рост и сильные руки, – его можно было принять за подростка. До такой сте-

пени он был худ, угловат, и смешон в бесконечных попытках ссутулиться, уменьшиться, – что привлекал еще большее внимание. Одежда висела на нём мешком, черные длинные волосы собраны сзади в хвост. Когда он отмылся, грязно-серый цвет кожи оказался просто смуглым.

Край забрал его к себе на кузницу и сделал подмастерьем, заодно научив читать.

И всегда этот странный человек или работал, или читал. Наверное, по ночам еще и спал, но мы, дети, этого не видели.

Я еще поплакала и на ощупь обошла шатёр снова, отодвинув тюфяки подальше от очага, собрав с земли рассыпавшиеся плоски поставив их на низкий стол. Круг замкнулся. Вроде бы все. Оказалось, что я стою перед занавесью, ощущая кольца. И потянула в сторону, открывая выход.

Рам приподнялся на локте, удивленно вглядываясь мне в лицо:

– Ты плакала? Я не слышал. И как ты умудрилась так перемазаться за несколько минут?

Я остолбенела, – За несколько минут? За сколько за несколько? – брат хмыкнул, – Ну не знаю, – за пять?

Слезы подступили к моим глазам, – Какие пять, Рам? Это длилось целую вечность!

Брат приобнял меня, слегка щелкнув по носу, – А неприятные вещи всегда длятся долго, не замечала? Научись делать из них приятные, и будет куда как проще.

Круги перед глазами перестали мелькать. Я сидела, погруженная в воспоминания, успокаиваясь, расслабляясь, и вдруг, на самом краю сознания раздался Голос:

– Справедливости! Я требую Справедливости! – он волной поднимался внутри, сметая всё.

– Именем убитой любимой! – ужас от осознания неотвратимости охватил меня,

– Именем опозоренной сестры! – я бросилась к выходу из шатра, спеша выбраться за пределы стана, пока Лохем не закончил призыв.

Глава 12. Резня

Я бежала по направлению к Городу, ведомая медальоном Князя. Медальоном, который взяла не зная зачем. Подумала тогда, – Свадебный подарок? Что ж открыто не вручает?

И зажала в кулаке, уходя вслед за отцом.

Сейчас же неслась, сбивая ноги в кровь, задыхаясь, запоздало поняв, что выскочила, не покрыв голову от солнца, в легких сандалиях, не взяв с собой даже воду. Впрочем, это меня как раз мало тревожило. Поиск воды никогда не занимал более получаса. В крайнем случае, притяну воду с неба, – подумала я.

Пустыня была мне родной. Я знала, почему не поет утром свою предрассветную песню птица, или не вылезает из норы дикобраз; где отложила яйца пустынная гадюка и под каким камнем прячется от жары скорпион. Это был мир, в котором я выросла, а благодаря объяснениям Рама, который мог общаться с каждым на его языке, я довольно сносно знала повадки обитателей, живущих за границей стана. Внутри никаких опасных животных отродясь не было.

Город, по сравнению с этим моим родным миром был чем-то чуждым, непонятным. Камень давил на меня. А Тьма, которой он был напитан, – душила.

Я почувствовала его раньше, чем увидела. По запаху гари.

Подойдя еще ближе, увидела всполохи пламени, поднимающегося за городской стеной.

Силы были на исходе. Я жалела, что не взяла лошадь. Хотя кто бы мне её дал?

Путь оказался гораздо длиннее, чем я ожидала. Вчера дорога домой показалась совсем короткой. Сидя на лошади вместе с Дарином, я не обратила внимания на то, сколько мы ехали. Прятала лицо на его груди, хотела спрятаться от мыслей. Да разве от них спрячешься?

Губы Князя, – нежные, настойчивые, что сводили меня с ума ночью, – на утро они были сжаты в полоску. Жесткую, упрямую. Как вкусно они целовали ночью, какие слова шептали, – утром эти губы не произнесли ни слова.

Я была в замешательстве. Не понимала своих чувств. Ночь, которая перевернула весь мой мир, казалась сейчас ненастоящей, выдуманной. Хотя разве такое выдумаешь?

Почему он выбрал меня? Украл, не побоявшись гнева детей пустыни? Прошел Ритуал, не боясь смерти. Он... любит меня? Разве возможно полюбить кого-то не зная? В чём подвох? Чего я не знаю? Да и в общем-то, что я знаю? Мало. Очень мало. По законам Тьмы он теперь мой муж?

У темных свой закон, – закон Справедливости: “Твоё-твоё, моё-моё”. Ворам рубили руки; клятвопреступникам, – языки. Тот, у кого не было дома в Городе, не мог там остаться на ночь. Тот, у кого не было заработка, очень быстро оставался и без дома, а потом изгонялся стражниками за город-

скую стену.

Почему же я сейчас бегу, туда, где люди живут по всем этим диким законам и где находится человек, связанный со мной лишь тонкой полоской тьмы? Почему не дожидаясь обряда единения в своем шатре? Ведь отец обещал. Он поклялся!

В первое мгновение, когда отец приносил клятву, я вспыхнула, – почему меня никто не спрашивает? Потом подумала, – наверное отец решил избавить меня от лишних терзаний, приняв решение за меня.

А сейчас вдруг остановилась, осознав то, что не давало мне покоя все эти сутки, зудело назойливой мухой на краю сознания. Отец поклялся пятерыми ПРИСУТСТВОВАВШИМИ братьями. Лохема с ними не было.

Я стояла перед городской стеной, борясь с накатывающей дурнотой. Все пространство перед входом было усеяно телами. Мужчины, женщины, дети – все безоружные. В длинных белых рубахах. Когда-то белых. Живых среди них не было.

Почему столько крови? Ведь Лохем говорил, что если приходится убивать, то делать это нужно быстро, одним ударом, не заставляя человека мучиться больше, чем ему приходится, принимая смерть?

Зарыв рот руками, пытаюсь сдержать, подступающую к горлу тошноту, я бросилась вперед, к воротам, стараясь

смотреть лишь прямо перед собой.

Подойдя к арке ворот, – застыла, не решаясь войти. Город всегда был закрыт для чужаков. Зловеще заскрежетала решетка над головой.

– Именем Милосердия! – я сделала шаг в арку, и решетка поехала вниз, ускоряясь. Где-то скрежетала разматывающаяся цепь.

– Принимая имя Княгини Этого Города! ... – зубья застыли над головой, рывком, останавливаясь, – и я шагнула в Город.

На дрожащих ногах, медленно, делая маленькие шаги и чувствуя, как течет сила, поднимаясь от ступней вверх. Черная тяжелая сила. Сила, бросившаяся в виски ненавистью. Понимая, что стою босая, на мостовой из черного камня, я замерла. Камень питал меня?

Легкие сандалии не выдержали этой дороги, и я вынуждена была выбросить их, проделав большую часть пути босиком. За все это часы я сделала лишь одну остановку в пути, и та была вынужденной. В последний момент, услышав стук приближающихся копыт, я едва успела спрятаться за камнем от проносащегося мимо всадника. Гарон гнал лошадь галопом, оставляя облако пыли за собой. А я замерла, глядя ему вслед в недоумении. Он был в Городе? Зачем?

Улицы были залиты кровью. Кровью, по которой я скользила босыми ногами. Кровью, которая текла, впитываясь в черный камень. Повсюду валялись трупы.

Я бежала наверх, к площади, спотыкаясь о тела и молясь, чтобы мой брат был жив. Мне не было никакого дела ни до этого странного города, ни до его порядков. Лишь мысль, глупая, и неуместная, билась в висок – «Почему? За что?» – и тьма, обжигающая запястье, показывала мне путь.

Князь лежал рядом с жертвенником. В груди его торчал кинжал.

И я опустилась на колени, понимая, что опоздала. Подол моей юбки был испачкан кровью, ноги разбиты, но все это было не важно. Я опоздала. В груди билась боль.

Избавления не было. Лишь безысходность, которая как воронка, разрасталась в груди. Моё детство, закончившееся лишь два дня назад, увело за собой и несостоявшуюся юность. Все, о чем я мечтала, – ухаживания, ожидание счастья, первый поцелуй, влюбленность, обряд единения, связывающий меня с мужем, – все что должно было со мной случиться, – не случилось! А то, что случилось, – уместилось в три дня.

Я наклонилась к своему несостоявшемуся мужу, вглядываясь в лицо. Может быть он еще дышит? На левой руке – наручень, скрывающий метку. Потянула за него. Метка была. Слегка выцветшая, она доказывала, что мы все еще связаны. И я заплакала, прижимая браслет к груди; внутри поднималась злость.

За спиной раздался стук копыт. Я обернулась, вскакивая. На площадь вошел мой брат, ведя коня под уздцы.

– Ты убил моего мужа? – я смотрела на Лохема в упор, сверху вниз. Он остановился, не приближаясь,

– Он не муж тебе!

Я усмехнулась, – Ты, видимо, много пропустил вчера!

Лохем смотрел в упор, – Он не принял твой Свет!

Я вскинулась, – Зато я приняла его Тьму, – не отводя взгляда, я всматривалась в такое знакомое, родное лицо, – За что ты убил его, Лохем?

Он казалось, удивился, – Я? С чего ты взяла? Я охочусь за Колдуном. У меня есть жетон лишь на одно убийство.

Я не понимала, – А кто сотворил все это? Почему по улицам этого Города текут реки крови?

Брат смотрел на меня твердо, – Здесь Тьма пытается вернуть себе власть, Дара! – и повторил,

– У меня есть жетон лишь на одно Убийство.

А я, глядя в глаза человеку, которого знала с первого дня своей жизни, выдохнула, – Не верю!

А потом, надев браслет Князя на руку, опустилась на колени, потянувшись к рукояти кинжала, рывком вытаскивая его из раны.

– Не смей этого делать! – крикнул Лохем.

– Хорошо, что он внизу, – подумалось мне.

Быстро, чтобы не передумать, я резанула себя по левой ладони, прикладывая её к ране своего мужа, а правой, с зажатым в ней кинжалом, указывая на брата,

– Стой, где стоишь! – и подняла кинжал к небу,

– О Милосердный, соедини две наши жизни! – налетел порыв ветра,

– Смешай две наши силы! – небо стало стремительно чернеть, закрывая солнце.

– Пусть воды небесные смешают нашу кровь и смоят преступления этого Города! – над головой сверкнула молния.

– Дай спастись спасенным! И пусть земля примет наше единение! – с неба упали первые тяжелые капли дождя.

– Это прошу я, Йошевет! – над головой загрохотало.

Я наклонилась, чтобы поцеловать Рэдгара в губы, и вновь встала во весь рост подставляя лицо дождю,

– Я принимаю своего мужа Светом, так же как он принял меня Тьмой! – казалось небо раскололось. Ко мне по лестнице несся Лохем.

– Ненормальная, – орал он, – что ты делаешь? Он же мертвый! – на нас обрушился ливень. Молния ударила в жертвенник. А я ослепла и оглохла. Казалось наступил конец света.

И теряя сознание, почувствовала, как Лохем подхватывает меня, заворачивая в плащ.

– Откуда у него плащ? – подумала я, проваливаясь в черноту. И уже не видела, как брат бежал, поскальзываясь вниз, по ступеням, резким свистом подзывая лошадь, чтобы запрыгнуть в седло. Площадка с жертвенником превратилась в эпицентр грозы. Молнии били в черный камень, казалось желая расколоть его. Ливень расползлся во все стороны. Ту-

ча набухала, разрастаясь, собирая в себя, казалось бы, всю черноту камня под ней.

Лишь раз Лохем оглянулся, когда уже запрыгнул в седло. Оглянулся и опешил на миг.

В ослепительной вспышке молнии он увидел совершенно пустую площадку с расколотым на части жертвенником. Князя у жертвенника не было. Ослепленному, на миг ему показалось, что Колдун шагнул из ниоткуда, поднимая что-то с пола.

Но в данный момент все это было уже не важно.

Лохем пустил коня в галоп. Боясь, что не успеет вырваться из Города; боясь, что не успеет спасти сестру... Потому что воды Милосердия страшнее меча Справедливости и будучи призванными кровью, они сметают все на своем пути.

Глава 13. Потоп

– Это моя вина, – твердил я себе, – Что мародеры, вернувшиеся из пустыни, перебили горожан, ослабленных Ритуалом.

Это я невольно открыл им вход несколько часов назад, войдя с Жетоном в Город. Совершенно обезумевшие от желания любой ценой уничтожить ересь и вернуть в Город Справедливость, науськанные Жрецом, они начали резню, начиная с тех, кто не успел вернуться в город, волной растекаясь от крайних домов к центру.

Колдун тоже был в Городе. И я чувствовал это всем своим нутром воина, но ведомый жетоном, безрезультатно мечась из дома в дом, никого не нашел.

Иногда мне казалось, что я вижу боковым зрением край черного плаща, или слышу звук удаляющихся шагов, но может это был морок? Наваждение? Черный камень прятал своего Колдуна.

Я шел за амулетом, впитавшим кровь Лейлы, зная, что убийца совсем рядом. Кровь, требующая отмщения, – не ошибается. Да и Дарин подтвердил.

Дарин, который вечно ноет о милосердии и шарахается от вида крови, сказал мне утром,

– Лейлу убил Колдун. Он давно задумал соблазнить ее.

Я не хотел знать подробностей. Внутри раненой птицей билось сердце. Дышать я мог через силу. Поэтому и сорвался. Поэтому и не дождался отца.

Много городов я видел, и много разных народов.

Наше племя, кочуя по огромной равнине, предлагало мир всем, кто согласен был жить в мире.

Вождь спокойно относился к любым обычаям, верованиям и традициям. Лишь садился на входе в гостевой шатер у входа в стан и рассказывал новым соседям, пришедшим за бесплатным угощением, - об устройстве мира, о Свете, без которого непонятно, что такое Тьма, о том, что картина мира у каждого своя, нарисованная внутри, в соответствии со свойствами души. И каждый видит мир по-своему, как в зеркале, выплескивая наружу то, что живет у него внутри.

Но бывало, что после первого же знакомства с местными обычаями, отец вызывал воинов и отдавал приказ сравнять поселение с землей.

Были случаи, когда запрещалось брать даже пленных. Вождь, стоя на холме, поднимал руку с именем Неназываемого, призывая его Гнев, а посохом направляя небесный огонь.

И тогда мы уничтожали все и всех, оставляя за собой лишь руины.

Все в моей жизни было просто и ясно. Те, у кого был шанс

жить в соответствии с Законом Света, получали его. Те, чьи души погрузились во мрак Тьмы, не способные к изменениям, питающиеся от самых грязных, самых темных сущностей – уничтожались.

Отец говорил, – Не нужно давать гнили разрастаться. Её нужно просто уничтожить.

Так ушли в небытие поселения, где жители приносили в жертву детей, бросая их в пламя жертвенника, и считая, что так они продлевают себе годы жизни, – принося в жертву жизнь чужую. И те, кто ели от живого, считая, что принимают жизненную силу жертвы, молящей о смерти, мучающейся в агонии жертвы, сходящей с ума от боли.

Отец говорил, – Ничто не создано зря. Но если направление изначально неверное, то суть нужная превращается в суть разрушительную. А если это возводится в культ, то зло отдельное становится злом повсеместным.

Мы могли быть беспощадными, если это было необходимо. Беспощадными, но не жестокими. Бесстрашными и справедливыми. Именно эти три составляющие и определяют суть Воина. Убей врага, спаси друга и не бойся смерти.

Здесь же все было странно. Очень странно.

Я слышал звуки борьбы, крики детей, но, когда заворачивал за угол, наталкивался лишь на чей-нибудь труп.

Пробираясь к центру города, сужая круг поиска, я мучился вопросом, – было ли происходящее с жителями той самой мерой Справедливости, которую они заслужили?

Почти полдня я рыскал по городу в бесплодных поисках. Внутри нарастало неприятное ощущение опасности. А ощущениям своим я привык верить с детства. Это не раз спасало мне жизнь и научило доверять интуиции так же, как и глазам.

Сейчас, идя за невидимой нитью вверх по петляющим улицам, я боялся. Чего? не знаю. Казалось, Город обступает меня, смотрит в спину, следит сквозь закрытые ставни домов. Но когда я распахивал какую-то из дверей, то находил лишь пустое жилище. Каменный мешок, окна которого зачастую находились под потолком.

Дома были устроены странно. Желоба, идущие с внешней стороны стен, на уровне крыш, похоже, в сезон дождей, приводили воду по специальной трубе в подвальное помещение. Выше этажом располагалось жилище, несколько спален, общий зал. За отдельной загородкой – отхожее место. Куда они девают испражнения и отходы? Кажется, выливают прямо на улицу. Рядом с каждым выходом из дома на задний двор зияло отверстие трубы, утопленной в камне. Оттуда доносился неприятный запах

Очень хотелось пить, Солнце клонилось к закату. Обыскав все дома вокруг, успокаивая коня, которого вёл в узде, дрожащего все сильнее, прядящего ушами и желающего вырваться, я наконец вышел на центральную площадь.

Вышел, чтобы в очередной раз не успеть.

Дара склонилась над лежащим рядом с жертвенником

Князем. С такого расстояния не было понятно, жив ли мужчина. Но рукоятка ножа, торчащего из груди, – это всегда плохо. Остановив меня силой Ритуала, призвала Меру Милосердия, объединив свою жизнь с жизнью Князя, – сумасшедшая! Зачем она это сделала? Ведь какой был прекрасный повод оставить всю эту историю здесь навсегда.

Если бы я знал тогда, что, проходя через арку входа, она еще и объединила себя с Черным Городом!

Хорошо, что не знал.

Ругая себя на все лады за промедление, выдергивая плащ из седельной сумки, я успел лишь взбежать по ступеням подхватить потерявшую сознание сестру. Ударила ли в неё молния? Или обморок был следствием обряда?

Никогда еще мертвого не связывали с живым.

Судя по тому, что я видел в городе, жители прошли Ритуал. Оставалась маленькая надежда, что Князь, приняв Свет, положил свою судьбу на чашу весов Милосердного. И Дара, притянув Благодать, смогла спасти его.

Но сейчас это уже не узнать. Нужно было спастись. Место, в котором сходятся две меры суда Неназываемого, – обычно гибнет, не выдерживая силы огня Справедливости, заливаемого водами Милосердия.

У меня было лишь несколько минут, пока туча, все разрастаясь и набухая, обрушивалась ливнем на все новые и новые улицы, гася пожары, смывая кровь с улиц. Еще немного и здесь будет потоп.

Сделав последний рывок сквозь полуоткрытый створ ворот, слыша, как решетка с лязгом опускается за моей спиной, как падают ворота, запечатывая город, я проехал еще немного и остановился за городской стеной

Очень хотелось верить, что дождь не выйдет за пределы города. Нужно было время, чтобы осмотреть сестру, перевязать ей рану, и привести в чувство.

Напрасно. Туча, разбухая на глазах, ливнем обрушилась на пустыню. Я изо всех сил прищипорил коня, и повернул его к убежищу, радуясь, что отец не передумал и не забрал у меня путеводный медальон. Путь предстоял не близкий.

К убежищу мы добрались лишь под утро. Туча шла за нами попятам, расширяясь, обрушивая всю свою ярость на пустыню. Нас задевало лишь краем. Иногда, оглядываясь, я видел сквозь черноту всполохи молний и стену дождя. Конь шарахался от каждого раската грома. Счастье еще, что молнии били сзади. Мы бы никогда не выбрались.

Дара металась у меня руках, не приходя в себя, и страшно было даже на секунду ослабить хватку, чтоб она не выскользнула из его рук. Вымокшие насквозь, промерзшие, мы тем не менее не имели ни малейшей возможности ни остановиться, ни спешиться. Положим, слезть еще можно. Но я не представлял, как залезать на лошадь с бесчувственным телом сестры на руках. Так и ехал сквозь стену дождя, в крошечной тьме, двигаясь медленно, ведомый лишь путеводной

НИТЬЮ И ОПЫТОМ КОНЯ.

И уже тысячу раз пожалел, что не поехал в стан, непрерывно твердя себе, что желание отца спрятать Дару было первоначальным, а значит верным.

Девушка пришла в себя лишь раз, незадолго до рассвета, и, заглядывая ей в глаза, едва различимые под низко опущенным капюшоном, радуясь, что она жива и молясь, чтобы все поскорее закончилось, я спросил,

– Дара, ты можешь остановить дождь? Похоже, эта туча, что ползет вместе с нами, – тянет из тебя силы.

Девушка посмотрела на меня мутным, полным боли взглядом,

– У меня нет больше власти над водой.

И я решил оставить её в покое, думая, что сестра бредит.

Глава 14. Убежище.

Убежище было крохотным.

Одноэтажная каменная крепость прислонилась к подножию горы. Внутри небольшая комната с печкой, спальня. Колодец во дворе и акация, кроной своей защищающая от солнца небольшой огород. За оградой, подернутые пеленой дождя, вверх по склону горы тянулись вырубленные в камне ступени.

– Силен, – подумал я, в очередной раз невольно проникаясь уважением, к этому обманчиво немощному старику.

Когда-то, будучи воином, он привез девушку из похода.

Не все и не всегда в нашем племени выбирали себе пару из своих. Девушку захватили вместе с другими рабами, привезя её из уничтоженного города. Девушка была изнасилована.

По закону нашего народа, ей обрили голову, нанесли на лицо татуировку и поселили на женской половине в шатре воина.

Через девять месяцев она родила сына и убила его в первую же ночь, когда принесла младенца от повитухи. Вернувшись с дежурства на рассвете в шатер, воин зарубил свою несостоявшуюся жену и ушел в пустыню.

Долгое время его считали погибшим, пока однажды отец,

не послал нас с Рамом на поиски.

Я тогда всерьез хотел найти себе жену в одном из походов и привезти в стан. Как только отец об этом узнал?

Он столкнулся со мной, как казалось мне тогда, случайно, – возвращаясь с Ритуала, и заглянув в глаза, сказал,

– Есть небольшое поручение. Нужно найти отшельника и помочь организовать ему убежище.

Я тогда не понял, – Если он Отшельник, значит у него уже есть убежище. Разве нет?

– У него есть нора, – ответил отец,

– А нужно организовать убежище, где он сможет учиться.

И вручил этот самый медальон, выдохом своим наполнив силой пути.

Во время поисков отшельника, мы обнаружили небольшой дом, сложенный из валунов и крохотный двор, защищенный каменной стеной. Ворота тогда еще не было. Отшельник попросил привезти ему инструменты, семена, и исчезнуть из его жизни.

– В пустыне достаточно мяса, – сказал он Раму, – А у меня много времени.

Когда в следующий раз мы привезли целую телегу скарба из его бывшего шатра, и кроме требуемого, еще и ворота, – он разъярился,

– Я оставил свою жизнь не для того, чтобы вы привезли ее мне сюда!

– Вождь прислал тебе книгу, – я задумчиво почесал заты-

лок, – И велел передать на словах, что нужно не забывать свои страхи, а побеждать их!

– Вождь также сказал, – он напрягся, припоминая, – Множество путей ведут к Свету. И путь в тысячу ступеней не длиннее прочих!

– А ворота должны запечатать убежище, – пояснил Рам. – Ты же не хочешь, чтобы к тебе навевались гости?

Сейчас, глядя на поднимающиеся за оградой ступени, похожие на лестницу, уходящую в небо, – я не сомневался, что их там тысяча.

Отшельник, открыв ворота, вопросительно поднял бровь, глядя на девушку, которую я сжимал в руках. Глаза её были закрыты, голова безжизненно запрокинута.

– Быстро вы, – и подставил руки, принимая соскользнувшее с коня удивительно легкое тело.

Я огляделся по сторонам. Шатра нигде видно не было. А ведь я специально привез его и убедительно настаивал именно на этом пункте. Дара не сможет жить в каменных стенах. Для нас камень не защита, а преграда.

Старец открыл плечом дверь,

– Я не стал ставить шатер для твоей сестры, хоть она и привыкла, – и добавил, глядя на девушку,

– Ей нужно научиться жить в городе, – и прошел внутрь,

– Ты тоже останешься, Лохем? – он опустил мою сестру

на широкую лавку у стены.

– Нет, – мотнул я головой, – Лишь обсохну и пережду дождь.

Старец, белый как лунь, возложил руки ей на голову,

– Этот дождь нельзя переждать, – он поднял на меня глаза,

– Дождь кончится, лишь когда выпьет девушку досуха.

То, что мы призываем, проходит через нас.

Я поперхнулся водой, которую пил прямо из кувшина, –
Что это значит?

– Что милосердие, которое она призвала, вначале должно исправить её.

Я хмыкнул, – Что там исправлять? Она почти ребенок! С другой стороны, старик, путь исправлений длинный, порою длинную в целую жизнь.

Отшельник нахмурился,

– Наоборот. Это длина Жизни равна длине пути исправлений, если конечно не совершать вот такие ритуалы, – и подумав спросил,

– Чем она клялась?

Я начал вспоминать, перебирая в памяти призыв Дары,

– Ничем, – потер подбородок, – Она только назвала своё
Имя.

Отшельник крякнул, посмотрел на меня внимательно,

– Расскажи точно, что ты видел и слышал. И повтори слова Призыва. Только без вступления, пожалуйста. Мы же не

собираемся здесь воспроизводить ритуал.

И никогда ранее не жаловавшийся на память, я сейчас понял, что не могу произнести те несколько предложений, которые Дара бросала в Небо. Это казалось странным, и именно так я и сказал отшельнику.

– Ты понимаешь, что Призыв запечатан? – отшельник больше не казался ни старым, ни немощным, он кажется, стал выше ростом, выпрямляясь. В голосе его слышались громовые раскаты,

– Она привязала Тьму к своей женской сути. И теперь находится в эпицентре силы. Я не могу это разрушить, не убив её – старец внимательно посмотрел поверх моей головы, и неожиданно разозлился еще больше, – Вы там сдурели, что ли?

– А со мной что не так? – я не понимал.

– Убирайся, Лохем! Ты здесь не остаешься!

– С каких пор убежище закрыто для нуждающихся? – я тоже разозлился.

– С этого мгновения и дальше! Я не вытяну вас двоих. Через тебя идет мера Суда, через неё, – Милосердия. Здесь камня на камне не останется.

Я стоял не двигаясь, – Но что будет с Дарой?

Старец твердо взглянул мне в глаза, – пока я жив, – с ней все будет хорошо.

Хотелось бы верить, что он проживет долго, но кто из нас знает свой Путь?

– Отдай медальон, Лохем, и иди! – отшельник внимательно смотрел мне в глаза, протягивая руку.

А я совершенно не собирался этого делать, желая оставить себе шанс навещать Дару. Отшельник шевельнул пальцами,

– Скажи отцу, что сюда путь заказан. Я пришлю вестника, если понадобится.

Естественно, я был категорически с этим не согласен и собирался сказать, что ни разу в жизни не причинил сестре вреда и скорее умру, чем это сделаю. Что я Защитник. И буду охранять её сколько потребуется. Даже от самой себя.

Всё это я думал, обнаружив себя в пустыне, ведущим коня под уздцы. Оглянулся, – вокруг был лишь барханы; солнце стояло в зените, высушивая последние пятна воды на земле. Еще час-два и здесь не останется следа от вчерашней бури.

Буря! Дара! Мысли галопом понеслись в голове. Как я оказался в пустыне? Я же не собирался уходить из убежища.

Теперь куда ни посмотри, – были песок, камни, и снова песок. Ветер заносил цепочку наших следов.

Я остановился, судорожно шаря по карманам.

Выдернул обжегший холодом Жетон. – Не то! Искал снова и снова. Безрезультатно. Медальон из солнечного камня исчез.

Глава 15. Отшельник

Был он худ и силен. И давно уже не помнил сколько ему лет.

Книга, привезенная когда-то Лохемом, – не пригодилась. Даже в лучшие времена читать он не любил и на уроках всегда спал. Вождь не ругал. Говорил,

– Души ваши раскрыты, и Свету все равно, учитесь ли вы или спите.

А как не спать, если ежедневные упражнения выматывали, а ночью воины еще охраняли лагерь, годами учась спать в полглаза, слышать в пол-уха, и всегда держать острый меч под рукой.

Когда ему было шестнадцать, он впервые отправился в поход, испытав наконец-то то острое, перехватывающее дыхание чувство опасности, которое будоражит кровь и ускоряет время.

С тех пор он жил от похода до похода.

Звали его Хаэль.

Ухаживать за девушками он не умел и все они казались ему одинаково красивыми. Непонятно только, почему нужно связать жизнь лишь с одной из них.

Когда возникала потребность в сексе, всегда можно было купить одну из закутанных в покрывала шниц, сидящих за

границей стана, и готовых за золотушку успокоить истосковавшегося воина.

В одном из походов Хаэль увидел молодую девушку, открывшую лицо и ненароком попавшуюся ему на пути. В их племени, – девушки чужакам лица не открывали. Если только не хотели познакомиться поближе.

Кровь будоражил восторг победы, сдобренный фляжкой вина. Пить в бою запрещалось. Но то ведь в бою. А он праздновал победу. Все равно ведь соберутся вечером всем племенем и будут славить Неназываемого, восхваляя его воинств. Он просто немного предвосхитил.

И Хаэль решил, что по законам войны, то, что хочешь взять, – можно взять. Хотя грабить и насиловать в походе категорически запрещалось. Но ведь это не насилие, – если по согласию?

Он даже спросил, заглядывая в темные омуты глаз, – Ты согласна, милая?

Девушка была тонкой, смуглой, чернобровой, и ее слабые попытки вырваться Хаэль расценил скорее, как кокетство, чем как серьезное сопротивление.

Бросив её на сено, борясь и распаяясь еще больше, воин навалился на девушку, прижав к земле всем телом и покрывая поцелуями шею.

А потом задрав подол, проник рукой в промежность, ощутив такой сводящий с ума жар, что просто развел ей ноги, фиксируя, и поплевав на ладонь, проник в неё пальцем.

– Тебе понравится, вот увидишь, – убеждал он скорее себя, чем её, и растерев слюну по стоящему колом члену, направляя его в промежность, резко проник внутрь, теряя остатки самоконтроля, от этой невозможной узости, задыхаясь от чего-то щемящего, неизведанного ранее.

Ее болезненный стон от первого проникновения слегка отрезвил его, заставляя понять, что перед ним девственница, но потом огонь от недавней победы, все еще бурлящий в крови смел остатки разума, вырываясь наружу и мужчина забыл обо всем.

– Я стараюсь быть ласковым, – пыхтел он ей в ухо, вдыхая легкий аромат пота, какой-то травы, покрывая поцелуями ее лицо, слизывая слезы со смуглых щек. Чтобы девушка не кричала, пришлось зажать ей рот ладонью.

Ухаживать он не умел. Продажные женщины, горячие и влажные, всегда готовы были принять его без всяких ухаживаний. Поглядывая на него зазывно, они никогда не требовали никаких слов, прелюдий или обещаний, – все было просто и быстро.

В полутемном сарае пахло животными, сено кололо колени, а он вколачивался в широко разведенные бедра, и девушка, застывшая под ним, казалась ему самой чистой, нежной и лучшей из тех, с кем он был.

Бурно кончив, он отпустил ее, медленно приходя в себя, вытер свой член подолом ее юбки.

– Я возьму тебя с собой, – сказал, приподнимаясь на лок-

тях и пытаюсь заглянуть ей в глаза. Глаза, в которых стояли слезы.

– Я возьму тебя в стан и сделаю своей парой. Она отвернулась. Темные волосы рассыпались по сему.

Хаэль оправил одежду, вытер девушке ноги внутренней стороной юбки, подхватил на руки и вышел из сарая.

Дара лежала без чувств уже почти месяц. Приходилось лечить ее наложением рук, питая собственной силой, но она словно таяла на глазах. Глаза её запали, щеки ввалились, губы запеклись.

Иногда, ненадолго приходя в себя, она смотрела на него мутным взглядом, без малейших признаков осознания. Эти короткие мгновения он боялся пропустить, потому что лишь тогда можно было влить в нее немного питательного отвара. Хаэль боялся, что девушка уже находится одной ногой в мире грядущего.

Медленно обтирая влажной тканью безжизненное тело, расчесывая потускневшие, некогда золотые волосы, вглядываясь в черноту теней под глазами, он не понимал сути её поступка, не мог никак повлиять на совершенное ею. И занимаясь всеми этими, вдруг свалившимися на него обязанностями, занявшими все его дни и даже ночи, – не испытывал к ней поначалу ничего, кроме жалости. На шее ее висел небольшой черный камень, глубокий как ночь. И Хаэль не рисковал даже дотрагиваться до него.

Иногда он чувствовал себя её отцом. Тем, кем судьба не дала ему стать. Человеком, ценность жизни которого, менее ценна, чем жизнь его ребенка.

Но постепенно, совершая все эти обыденные, в общем-то вещи, вступил в настоящую борьбу со смертью, выхаживал её также, как выхаживал смертельно раненых братьев по оружию, не позволяя себе даже тени мысли о поражении и входя в азарт, как когда-то входил в азарт битвы.

Теперь он вел войну со смертью, и уже вкладывал в свои действия совершенно другие намерения. Намерение воина, отвоевывающего чужую жизнь. Намерение отца, борющегося за жизнь ребенка.

Он не чувствовал в своём теле никакого отклика на вид юного женского тела, даже когда раздевал девушку, чтобы обмыть или переодеть. И воспоминание о несостоявшейся жене, накрыло его внезапно, неуместно. Он опустился на табурет, чувствуя внезапную слабость в ногах.

Если бы можно было вернуться на тридцать лет назад, то он бы сейчас скорее убил себя, чем юную несостоявшуюся жену. Имя она ему так тогда и не назвала. И он звал ее – жена, ожидая прохождения ею ритуала и нового имени.

– Что за напасть? – спрашивал себя мужчина, сидя на грубо сколоченном табурете рядом с лежанкой в комнате, которую определил для гостя; вглядываясь в неровном свете масляной лампы в тонкую вену, бьющуюся у ключицы, он

вспоминал такую же вену на другой шее.

И чувство, незнакомое, захлестывающее, наполняющее его сердце болью, мешающей дышать; чувство, пробужденное внезапным воспоминанием, – обрушилось на него с такой силой, что захотелось умереть.

– Почему я должен сейчас вдруг вспоминать то, что старался забыть последние всё это время? – огонь волной поднялся от сердца, опалая щеки, заставив закрыть лицо руками в попытке спрятаться.

Но разве спрячешься от Неназываемого? Слезы брызнули из глаз.

– Неужели я так мерзок? Чудовищен? – Я просто животное.

Это чувство называлось Стыд.

И надо было как-то теперь жить с ним, понимая, что у той девушки была семья, планы на жизнь. Наверное, был отец.

Рывком поднявшись, Хаэль схватил бурдюк с водой и вышел на улицу.

Было раннее предрассветное утро, когда все кажется серым, призрачным, прячущимся в тумане. До восхода солнца оставалась пара часов. Если поспешить, то он успеет.

И мужчина поставил ногу на первую ступеньку.

Путь занял все отпущенное им самому себе время. Если бы не бессонная ночь, то он бы поднялся быстрее. Но имеем, что имеем. Ждать еще сутки он бы не смог.

Когда до вершины, осталось уже совсем немного, воздух

начал расцвечиваться алым. Еще несколько минут, и солнце покажется из-за горы. И он начал твердить, как мантру, задыхаясь от долгого подъема:

– Первый луч! – подгонял он себя.

– Первый луч, – когда-то эти подъемы давались ему гораздо легче.

– Первый луч! – и вывалился на небольшую площадку на вершине, одновременно с солнечными лучами, упав в бессилье на колени, поднимая руки к небу.

– О, Милосердный, прости меня! Я был глуп и слеп, не понимая, зачем Ты сохранил мне жизнь!

– Я был неблагодарен пытаясь забыть то, что забыть нельзя!

– Ты привёл к моему порогу девочку, такую юную и прекрасную, -и показал мне всю черноту моей души! – он кричал в небо, заливаясь тяжелыми слезами, потому что сейчас это было единственным, что он вообще мог делать.

– Позволь же мне совершить сейчас то, что хоть как-то искупит мой поступок, искупить который нельзя!

– Возьми мою жизнь в обмен на ее! Позволь отдать ей мою силу! Позволь напитать Светом! Не забирай ее! – слова его – бессвязные, хриплые, вылетали из сорванного горла.

– Ты дал мне пить из Твоего источника, мне – недостойному! Дай же напитать того, кто достоин! Почему она не принимает Свет? Что я делаю не так?

Он рыдал и выл в голос и единственное чего боялся сей-

час, так это того, что не будет услышан.

– Дитя зреет во чреве её! Дитя, отбирающее силы, которых нет у матери! Дитя, зачатое Тьмой и Светом! Дай ей жить! Дай ей сил выносить своего первенца! – он давно уже крипел, размазывая слезы по щекам.

– Возьми вместо ее жизни, – мою!

– Ты видишь все и всех! Загляни в мою душу! Как я смогу жить, наполненный стыдом и позором? И если ты дал мне это почувствовать, дай и искупить!

Больше всего на свете он страшился теперь, что молитва его не будет принята, что ему предстоят долгие одинокие годы, наполненные воспоминаниями и стыдом.

– Прими мою жертву, о Милосердный, – как Искупление! – не ради меня, – ради себя! – и мир вокруг него... взорвался.

Он пришел в себя только через несколько часов. Голову напекло. В горле пересохло. Хорошо, что рядом нашлась вода.

Отшельник посидел немного, попил, умылся, и пополз вниз, ругая себя за то, что когда-то вырубил ступени такими высокими.

Десять лет его ежедневного труда ушло на эту лестницу. И всегда он приходил сюда за ответами на вопросы. Сегодня впервые, – за прощением.

Но просить прощения было не у кого.

Хаэль лишь надеялся теперь, что Милосердный сжадется

над ним и примет, как всегда было у воинов, – жизнь, в обмен на жизнь.

Глава 16. Колдун

Сколько он себя помнил, он всегда жил в Городе. Родился в нем, в нем рос и принял Тьму, закончив школу для темных.

У него не было ни отца, ни матери. Точнее родители наверняка были, но никогда ему не суждено было узнать кто они.

Мать скорее всего была шница, – одна из сидящих у ворот и принимающих всех желающих мужчин в небольшой каморке внутри городской стены. Таких женщин из города не выгоняли, но и статус их был хуже, чем у рабынь. Жить они могли лишь в крепостной стене, в клетушках без окон, рядом с амбарами, загонами для лошадей и казармами воинов.

Если у таких женщин рождались дети, то младенцев отбирали, отправляя в приют.

Те мальчики, у кого обнаруживалась искра Тьмы, становились ее служителями. И это было спасением. Всех остальных продавали в рабство по достижению десятилетнего возраста.

Когда Жрец предложил обмануть Князя, уйдя из Города, а потом вернуться и убить ослабевших от ритуала жителей, – Колдун отказался. Его сила была вплетена в Тьму города. Он был часть этого организма, живого, дышащего, впитываю-

щего чужие негативные эмоции так же легко, как и людские испражнения, сливающиеся в глубину.

Улицы города, каждый его дом, каждый камень были объединены между собой. Каждый зависел от каждого. Чужаков сюда не пускали.

Жителем Города можно было стать, лишь родившись в нем. Конечно, если ты не был рабом. Жизнь у таких людей была тяжелой и недолговечной. Город выжимал из них все, что можно, и они быстро умирали. Иногда слишком быстро.

Жизнь в приюте была тем же рабством. Утреннюю похлёбку и вечерний кусок хлеба нужно было еще заслужить. Милосердия этот Город не знал. Все определялось по принципу, – мера за меру. Поэтому начиная с самого раннего возраста, детей заставляли работать. Старшие обслуживали младших. Совсем маленькие сидели в клетках, размером чуть больше их самих. Хочешь выйти из клетки, – заставь ее открыться.

Мальчику повезло. Тьма внутри него была живой, шепчущей, ждущей. И он научился общаться с ней, едва начав говорить. В клетке его могли удержать, лишь под ярким светом. Стоило же возникнуть небольшой тени, сгуститься темноте, – как он шагал в это пятно.

Он научился выходить из клетки едва ему исполнилось три года. Сначала просто желая сбежать, потом, начав ставить себе конкретные цели.

Мир становился размытым, серым, гулким, ложась под

ноги двухмерной изнанкой. В этом мире жили тени. Размытые и густые, молчаливые и шепчущие. Просто тени и тени-чудовища. И каждое из них хотело обрести власть над этим маленьким куском плоти, сунувшимся в Тьму, захватить его душу, найти выход в материальный мир.

Не зная ничего об этом, не разделяя действительность и ее проекцию, мальчик считал эту двумерно-трехмерную реальность как единым миром. И чудовища Тьмы казались ему не страшнее приютских надзирателей. И тех, и других он научился обманывать.

Узнав о юном темном, умеющем ходить тенями, Жрец взял его под опеку и пообещал ребенку научить договариваться с самыми страшными чудовищами Тьмы.

Жрец был добрым, ласковым, и для ребенка, никогда не знавшего родительской любви, такая ласка казалась подарком с небес. А то, что пришлось позволить делать со своим телом, – было лишь ценой за эту любовь. Жрец попросил никому не говорить об их маленьком секрете, но он бы и так не сказал. Во-первых, было стыдно, а во-вторых, ребенок был рад тому, что у него есть общий секрет с самим Жрецом.

Хотя, по большому счету, кому бы он мог рассказать? До него никому не было дела. Сверстники его ненавидели; надзиратели опасались. Он всегда знал все тайны и темные делишки каждого.

Говорить ему было не с кем. Кроме теней.

– С чудовищами нужно уметь договориться, – учил

Жрец, – Отдай им то, что тебе не нужно. Это как в жизни. Выбери того, кто сильнее всех и отдайся ему. Он сам победит остальных.

И мальчик, выбрал самое большое, самое страшное чудовище Тьмы, и отдал ему сначала свой страх, потом боль, потом зависть и ненависть.

Он не знал, что все это части души, и что отдает он не страх, а власть над страхом; не боль, а власть над болью – а потом, по частям и, – всю свою душу. Хорошего в ней не было. А плохим теперь владел монстр. Безжалостный и неустрашимый.

И никто кроме этого монстра не мог теперь причинить мальчику зла.

Всегда была ниточка, за которую можно было потянуть, заставив молчать. Иногда ниточка, а иногда канат.

Когда Жрец вернулся сегодня в Город во главе двух десятков темных, – он был первым, кого убил Колдун. Рядом с воинскими казармами, недалеко от места своего предполагаемого рождения. Там, где когда-то мальчика нашли и отобрали у матери. Символично. Хотя и не из-за ненависти. Прошли те годы, когда сердце юного колдуна было наполнено ею до краев.

Эмоции мешают. И эмоций у него уже давно не было. Зато у Колдуна была цель, на пути к которой стоял Жрец. Поэтому двух решений здесь быть не могло. Колдун шагнул из Тени, полоснув бывшего наставника по шее и толкая его

в сливную канаву. Жрец лишь булькнул горлом, и зловонная жижа выгребной ямы поглотила его.

Горстка темных, проникнувших в Город вместе со Жрецом мародерствовала по окраинам. Практически все они были снабжены амулетами Тьмы и прятались в стенах, нападая внезапно, и так же внезапно исчезая. Но даже здесь Колдун был самым сильным. Ему ничего не угрожало. А те, кто подумал напасть на него, – запоминал эту мысль, как последнюю.

Оставалось совсем немного. Вырезать у Князя сердце и принести в жертву, окропив его кровью светлой девственности.

Эту кровь Колдун хранил как драгоценность. И хотя немного жаль было, что с Лейлой ничего не вышло, но оно того стоило.

Сегодня ночью она пришла к нему во сне, и это был хороший сон. Он снова обнимал ее тонкий стан, заглядывал в голубые глаза, на дне которых плескалось озорство.

Лейла, Лейла! Как долго он к ней подбирался, попадался как бы невзначай на дороге, выманивал за границу стана, как много времени потребовалось, чтобы приручить её.

Её глаза, сначала недоверчивые, потом наполнявшиеся радостью, при встрече с ним. Теплые, мягкие губы. Легкий сладковатый запах пряностей, исходивший от ее волос.

И где-то на границе сна, почти проснувшись, краем созна-

ния он уловил незнакомое ускользающее ощущение счастья, и мысль, – он мог бы жениться на этой смешливой белокурой девушке, родить с ней детей, прожить долгую жизнь.

Просыпаясь, он осознал, что Лейлы нет. Что никогда сон не станет явью.. Мысль задела и разозлила его. И он отогнал этот сон, как глупый и ненужный. Ему не по пути со светлыми!

У него была цель. С самого детства. И цель эта уже совсем близко! Колдун хотел стать правой рукой Князя, вторым человеком в Городе.

Если бы не дурацкая идея Князя с Ритуалом, то все бы шло как надо.

С самого начала было понятно, что не нужно было пускать его в стан. Нельзя было давать слушать Вождя, слова которого были таким же ядом, как голубые глаза Дары. Так что, Князь сам виноват, что начал заигрывать с пустынниками.

Пройдя ритуал, он подписал себе смертный приговор. И это даже к лучшему. Теперь Колдун будет не вторым, а первым. Нужно лишь, чтобы Город принял его, объединился с его Тьмой. А для этого сердце Князя должно быть уничтожено. Потому что если сам Князь, – сердце Города, то его сердце, – сила всего этого места. Пока Князь жив, – Город принадлежит ему. А когда мертв, – Город умирает вместе с ним. Если только не уничтожить сердце, перенеся пульсацию силы в другое место. Ритуал длинный, крайне сложный, но не невозможный.

Князь пришел к жертвеннику, ответив на зов Колдуна. И ловко брошенный кинжал Тьмы, полетел точно в сердце правителя. Время начало обратный отсчёт.

Все шло, как и задумывалось, пока на площадь не выскочила Светлая. Хотя нет, – усмехнулся Колдун, отступая в Тень, – Уже не светлая, – и дернул плечом, – одним трупом больше, одним меньше.

Но то, что произошло дальше, – выбило почву из-под ног Колдуна. Дара резанула кинжалом Тьмы по своей ладони, соединяя свою жизнь с жизнью Князя, вливая свою силу в него, а значит и в Город. Силу Света.

Охота за Князем теряла смысл.

Мысли неслись в голове Колдуна, формируясь в новый план, пока мужчина стоял, впав в ступор от приказа Дары остановиться. Ритуальный приказ – приказ для всех.

И фокус его сместился на Княгиню. Досадная помеха! Но другого выхода он не видел. Пока она жива, то связана с Князем. Впрочем, долго пропускать через себя такой поток все равно не под силу ни одному живущему. Может быть просто подождать?

Княгиня исчезла в пелене дождя. Важно было найти кинжал, впитавший ее кровь. Иначе поиски затянутся.

Он едва успел схватить нож, и вновь уйти в Тень, спасаясь от разряда молнии, ударившего в жертвенник и осветившего все вокруг. Площадь перед жертвенником была пуста. Город спрятал своего Князя.

Осталось найти лошадь и успеть выбраться из этого каменного мешка, который скоро утонет вместе с мародерами в этом обрушившемся с небес милосердии.

Глава 17. Изменения

Лохем торопился в стан. Последние месяцы он практически не появлялся там, кружа по пустыне. Жетон жег руку, показывая присутствие неподалеку Колдуна, но все поиски были тщетными. Иногда он целыми сутками прочесывал скалы, неподалеку от стана, натываясь то на недавнее кострище, то на охапку соломы в пещере. Самого Колдуна ему не повезло даже увидеть.

Сегодня Рам прислал сокола, к лапке которого был привязан шнурок, – знак того, что нужно немедленно вернуться.

За эти полгода много чего произошло и мало, что хорошего.

Отец резко постарел, как будто разом вобрал в себя все беды и теперь подолгу не выходил из шатра. На прошлой неделе, на новомесячье, он объявил, что решил передать посох и власть новому вождю. И это не был Гарон. Новость неожиданная, отчасти шокирующая.

Вождь сказал, – Тот, кто ведет за собой народ, не может принимать решение, опираясь на свои личные желания и амбиции. Он должен быть лишь частью целого, Сердцевинной, которая сплавливает народ, и боль каждого – это его боль.

– Как ты добыл жетон, Гарон, – спросил отец, – И как ты посмел вручить его брату без моего согласия и вопреки во-

ле старейшин? – поставив себя выше закона, Гарон потерял право первоочередности.

Теперь вождь мог стать любой, чью кандидатуру примет Совет. Вождь предложил Дарина.

Дарина! Того, кто вечно крутился у него в шатре, приста-вал ко всем со своей ненужной помощью, со своими снами, которые даже не всегда сбывались, пытался каждому быть полезным; по собственной инициативе, уже много лет, гото-вил шатер собрания к урокам и потом убирал после всех.

Дарина, который нашел непонятную каменную пластину на женской половине и поднял крик до небес. Он был лю-бимцем сестры. Ее зеркальным отражением, с чертами лица слишком нежными для мужчины. И сейчас, в свои восемна-дцать, даже не имел приличной растительности на лице. Как он может возглавить племя? Он конечно достиг совершен-нолетия, но многие даже не воспринимали его всерьез.

Лохем возмутился. Возмущены были и другие братья. Не то, чтобы кто-то из них хотел взвалить на себя это бремя, – решение вождя казалось им скорее шагом отчаяния, чем мудростью правителя. Невозможно было поверить в такие грядущие изменения.

Вождь встретил воина у входа шатер. Сгорбленный, как будто из него выдернули внутренний стержень, он сидел по-груженный в свои размышления.

Лохем постоял, кашлянул, прерывая затянувшуюся пау-

зу, подождал пока отец поднимет голову, встречаясь с ним взглядом.

– Отправляйся за сестрой, мой мальчик. Отшельник прислал весть.

Лохем удивился, – Как ты с ним связываешься? Кто-то приехал?

– Нет, – сказал отец, – Дарин видел сон.

– Сон? Опять сон? – воин вспыхнул, – Это так теперь передают вести? С каких пор мы начали считать сны Дарина однозначно верными? – не то, чтобы он не доверял отцу, но ведь всему есть предел.

– Что было во сне, отец?

Вождь нахмурился, задумчиво провел рукой по бороде, приглаживая ее. Молчание затягивалось. Лохем понимал, что отец тоже сомневается.

– Дара сидела в шатре, посреди пустыни...

Лохем хмыкнул, – Я рассказывал тебе, – она за каменной стеной, в запечатанном убежище, и отшельник отказался поставить этот самый шатер. Ты сам-то веришь в этот сон, отец?

Вождь вновь пригладил бороду, – Не знаю. Но проверить нужно.

– Хорошо, – решил Лохем, – Я отдохну и завтра на рассвете выеду, – он развернулся, чтобы уйти.

Вождь смотрел ему в спину. – Я хотел бы, чтобы ты выехал немедленно, сын, – Лохем обернулся.

– Чего я еще не знаю? Что точно увидел Дарин?

Вождь вздохнул. Он умел уклоняться в беседе, путать собеседника, ходить вокруг да около, но отвечать враньем на прямые вопросы не мог.

– Она сидит у шатра, посреди пустыни, в тени навеса. Беременная. И у нее на руке княжеский браслет.

Лохем саркастически поднял бровь, все меньше веря в эту историю.

Отец смотрел на него испытующе, – У нее на руке был какой-нибудь браслет, когда ты ее нашел в городе, Лохем?

– Не помню. Не до того было. Она что-то сняла с руки Князя, но потом на ее запястьях я ничего не видел.

– Если у неё на руке есть этот браслет, – браслет, который не увидел мой самый лучший воин, браслет, который невозможно снять с живого, – то она Черная Княгиня, Лохем.

– Как это возможно, отец? Все это бред Дарина! Город исчез, погиб. Мы его не видим с того времени, как случился потоп. И если бы ты не держал завесу над станом целые сутки, мы бы все тоже погибли!

Вождь нахмурился, – Если мы не видим Город, то это не значит, что его нет. Убежища тоже никто не видит.

– Хорошо, – принял решение воин, – Я только поменяю лошадь и выеду.

Дарин тут же метнулся ему наперерез от своего шатра, – Я соберу тебе в дорогу еду, Лохем! И воду. Даре нужна будет вода.

Лохем хмыкнул, – Ври да не завирайся, братец. Если ты убедил отца, то не думай, что я хоть на миг во все это поверю, – и пошел к конюшням седлать лошадь, приговаривая вслух и посмеиваясь,

– Даре нужна вода. Дожили! Даре нужна вода! Это самый невероятный из всех снов, который я когда-либо слышал от этого недосновидца!

Глава 18. Беременность

Последние месяцы были самым странным периодом моей жизни.

Я привыкла к простору, к тому, что, просыпаясь, слышала колыхание стенок шатра, звуки ветра, шепот песка.

Все вокруг было понятным. Законы пустыни – знакомы, так же, как и характеры ее обитателей. Рядом всю жизнь находились балующий меня отец и любящие братья. Большинство соплеменников были знакомы с детства.

Сейчас же, уже который месяц, я находилась в каменном жилище, размером вполовину меньше отцовского шатра. Небольшой выход из дома закрывала дверь. Не мягкий струящийся полог, а тяжелые грубо сколоченные доски, скрипящие каждый раз, когда кто-то входил или выходил. Хотя выходить особо некуда, да и некому. Нас в убежище было двое. Я и Хаэль. Впервые придя в себя и увидев склонившееся надо мной мужское лицо, я вздрогнула от ужаса. Грязный, обгоревший на солнце, с длинной всклокоченной седой бородой, – он показался мне диким кочевником. Сил хватило лишь на то, чтобы кричать, закрыв лицо руками, хотя крик мой скорее был похож на писк.

Мужчина, правильно понявший причину моей неадекватной реакции, резко отпрянув, заговорил скороговоркой,

– Прости меня! Прости дурака старого! Напугал тебя! – он вскочил на ноги,

– О хвала Неназываемому! Он услышал меня! Ты очнулась! Лежи, Дара, лежи! Я принесу тебе поесть, – и бросился к выходу,

– Только потерпи немного, мне нужно умыться, и привести себя в порядок, – старик хмыкнул, обернувшись, – Путь был неблизкий. Я, наверное, похож на чудище.

Когда он появился во второй раз, то держал в руках миску с вкусно пахнущим мясным бульоном чей восхитительный запах заставил забыть обо всех страхах.

Старик поставил миску на табурет и сел на край лежанки, приподнимая меня за плечи,

– Меня зовут Хаэль. Не бойся.

Вдыхая аромат еды и обводя глазами низкий деревянный потолок, я не могла понять, как сюда попала.

– Ты находишься в убежище, Дара. Теперь все будет хорошо.

Он поднес миску к моим губам,

– Давай покусшаем, девочка! Я так рад, что ты пришла в себя! – и начал вливать в меня по глотку самый вкусный в моей жизни суп.

Процесс еды был длительным и так утомил меня, что, выпив бульон, я сразу уснула, – проснувшись поздним вечером еще более голодной. И вновь отшельник дал мне лишь бульон. На это раз в нем были размяты в кашницу какие-то ово-

щи. Я схватила его за руку, боясь вновь провалиться в сон, раньше, чем узнаю, что произошло; но старик опустил меня на подушку, ласково погладив по голове, – Спи, Дара, спи, – я все расскажу тебе завтра.

Через день я смогла впервые самостоятельно сесть, а через неделю преодолела расстояние до входной двери, пройдя через комнатку, в которой жил старик и смогла впервые выйти из дома. Распахнув дверь и оглядываясь по сторонам, я с ужасом поняла, как долго болела. Камни умело хранили прохладу, не давая проникать зною внутрь, сохраняя температуру постоянной. На улице же была жара. По ощущениям, – середина лета.

Ошарашенная, я опустилась на лавку у порога, отпуская жутко скрипящие грубо сколоченные доски, считающие по какой-то причине себя дверью.

Я сидела в небольшом дворе, в центре которого росло одно единственное дерево, кроной своей, закрывая почти все пространство. Здесь же стоял скособоченный колодец, из-за которого виднелись несколько грядок с овощами. Окружала двор стена, высотой в рост человека, сложенная из огромных камней, с железными воротами в центре.

Ворота эти, привлекли мое внимание, и я нетвердыми шагами дошла до них, чтобы проверить, настоящие ли они. Удивительная их роскошь и филигранность казалось неуместной в этом убогом месте, в тоже время являясь косвенным подтверждением слов отшельника о том, что я нахо-

жусь в убежище.

Непонятно, как эти ворота сюда попали, но сделаны они были явно Краем. И еще, – они никогда не открывались. Сколько раз я потом дергала за засов, оканчивающийся хитрым завитком, – только мой брат умел делать такие, – бесполезно. Ворота казались монолитными, как будто из единого листа железа.

Постепенно восстанавливаясь, я начала заниматься повседневными делами, жалея, что у меня нет самых обычных женских мелочей: лент, украшений, запасной одежды. Хаэль, отдавший в начале мне несколько своих безразмерно длинных рубах, и найдя иголку с нитками, сказал, смеясь, что это повод научиться обходиться малым.

Я тоже улыбнулась, прищуриваясь, – Хорошо, что твои рубахи мне почти до пола! Вот ходила бы перед тобой с голыми коленками, – ты бы не так заговорил.

Отшельник посмотрел на меня задумчиво,
– Дара, скоро тебе будут по размеру лишь мои безразмерные рубахи.

Я не поняла, – О чем ты?

Он поднял руку, показывая пальцем на что-то, над моей головой,

– Над тобой две ауры, девочка. Твоя... и еще одной девочки, – отшельник улыбнулся,

– Я сначала думал это мальчик, – но ошибся. Это девочка.

Я опешила, – Я беременна? Но как это возможно?

Хаэль хмыкнул, – Дети рождаются от соития, Дара.

Я залилась краской, опуская глаза, – Даже от единственного?

Отшельник пожал плечами, – Почему нет?

Неоднократно я просила отшельника выпустить меня в пустыню хотя бы ненадолго, – этот странный человек, относящийся ко мне терпеливо и бережно во всем остальном, – здесь был непреклонен до жесткости.

Однажды, когда я, уставшая от бесконечного сидения в этой своеобразной тюрьме, начала кричать и топтать ногами, – он посмотрел мне твердо в глаза и сказал,

– Дара, из убежища нельзя выйти до истечения срока. Даже если бы эти ворота были распахнуты настежь, – ты бы не прошла. В этом и есть смысл убежища.

– Но ты же проходишь через них свободно! – воскликнула я.

– Да, потому что это МОИ ворота.

– И когда настанет этот срок? – спросила я растерянно,

– В твоём случае, – отшельник изготавливал силки, прикрепляя веревку к рогатине, – Когда за тобой придет отец. Или, когда я умру.

Я рассмеялась, не веря, – Это шутка? Я беременна, Хаэль! Может, ты решил стать повитухой?

– Отшельник улыбнулся,

– Думаю, это не сложнее, чем принимать роды у козы. Кстати, о козе, – он подергал за веревку, проверяя крепление

– Нужно поймать одну из беременных диких коз. Приручим ее. Потом будет молоко.

Я смотрела на него не веря, – Хаэль, ты же не всерьёз! Мне нужно домой.

Он уже не улыбался, – о каком именно доме ты говоришь, Дара?

Я чуть не заплакала, – Ты издеваешься? Ты же знаешь, что я хочу к отцу, к братьям!

– Да, это я знаю, – Хаэль смотрел серьезно, – Но я также знаю, что дом жены в доме её мужа.

У меня задрожали губы, – Ты думаешь он еще жив?

Отшельник подошел ближе, взял меня за левую руку, легко проводя пальцами по запястью. У тебя на руке браслет, Дара. Браслет Князя. И ты его не сняла. А под браслетом лента Тьмы, которую обвивает лента Света.

Я, онемевшая, смотрела на него широко распахнутыми глазами, – Ты видишь браслет? Ты видишь метки?

Он улыбнулся, – Не глазами.

Глава 19. Учеба

С того дня я начала готовиться к родам. Нашла сложенный шатер, попросила его установить.

Хаэль был непреклонен,

– Ребенок должен родиться в середине зимы. Ему нечего делать в продуваемом ветрами шатре, – он запасал дрова и сухую траву, уходя ежедневно в пустыню и пропадая там целыми днями.

Принес козу, которая через месяц родила милого серого козленка. Теперь у нас было молоко. Начал запасать мясо, засаливая и оставляя вялиться на солнце. Шкуры он дубил где-то в другом месте, жалея меня и не желая мучать вонью.

Иногда на меня накатывала такая слабость, что я целыми днями не могла встать с лежанки. Старик садился рядом, опустив руку на мою голову, питал силой. Часто говорил,

– Нечего в духоте лежать! – и выносил меня к акации, сажал, прислонив спиной к стволу, развлекал пустяками.

Выглядел он теперь и сам не очень хорошо, часто казался осунувшимся, и я просила его не тратить на меня силу, не загонять так себя, отдыхать побольше.

Хаэль смеялся, – Нет времени!

Правда, в самые жаркие часы все-таки садился рядом, набирал нам ледяной воды из колодца, и привалившись спиной

к дереву, разрешал, – Ну, спрашивай.

И я обрушивала на него водопад вопросов, задать которые мне было просто некому.

Старик вскидывал бровь, – Все ответы вокруг тебя, Дара. Научись слушать. Научись смотреть не глазами. Убери себя из картины мира. И ты увидишь, как он прост и понятен, как идеален в своей завершенности. Чтобы понять суть, – нужно уметь задавать правильные вопросы. И не врать самой себе.

Я вздыхала, – эти теории казались слишком заумными. Но Хаэль не оставлял меня в покое,

– Вот стена. Почему ты ее видишь?

– Потому что она есть.

– Но ночью она есть тоже, а ты ее не видишь!

– Потому что есть свет?

– Опять неправильно, Дара. Потому что стена есть преграда для света. Лишь на их стыке рождается видимый материальный мир. Ты видишь не свет, а его отражение от преграды! Также и сущность ты увидишь лишь по проявлению ее свойств.

– Что это значит?

– Что ты можешь считать человека другом, девочка, а у него просто не было возможности предать тебя.

К осени сил у меня прибавилось, я начала шить одежду из кожи, больше занималась подготовкой к зиме. А Хаэль наоборот, как-то разом ослаб и стал подолгу сидеть на лавке рядом с домом. Однажды я застала его за чтением.

– Знаешь, интересные вещи написаны, – он усмехнулся, показывая на книгу, – Никогда не любил читать, а вот оказывается, – открылось.

С этого дня он начал меня учить ежедневно. Иногда, не успев закончить полуденный урок вовремя, мы продолжали его вечером, покончив с ежедневными делами, сидя настолько долго, насколько у меня хватало сил; а уходя спать я оставляла его у стола, пытающегося разобрать буквы в дрожащем свете масляной лампы.

И постепенно, мир вокруг меня начал обретать структуру и выпуклость.

Его связи, воспринимаемые раньше лишь интуитивно, – сейчас я понимала также четко, как и узор, образующий обратную сторону вышивки по краю моего старого платья. Узелки, портящие изнанку, воспринимались теперь, как места крепления разрывов.

– Видеть внутренние связи мироздания не труднее, чем понимать путь цветной нити за этой материей, – он задумался,

– Просто держи ее в фокусе, даже когда не видишь, – говорил отшельник, водя пальцем по вышивке,

– Представь, что нет заграждающего полотна. Смотри не глазами! – ругал он меня, – И учись видеть мир цельным, также как узор, вместе с его изнанкой.

Я отмахивалась, – Ты твердишь одно и то же, Хаэль.

Он хмурился, – Ну с вышивкой же у тебя получается.

Научись отслеживать нить, находить, где она ослабла, а где вдруг натянулась узелком, и ты со временем также научишься читать и реальность.

Это не на много труднее. Каждое событие, как и разрыв в пряже, – оставляет на нас след. Каждый узел добавляет натяжение в общей картине. Излишне сильное давление создаст жесткий, скомканный рисунок. Не важно, на ткани или в судьбе. А боль тела всегда есть лишь следствие боли души.

Не все вещи я понимала. Многие, также, как и на уроках отца, просто пыталась запомнить. Между тем наступила зима.

Однажды я проснулась совсем рано, разбуженная шумом. В сереющем предрассветном воздухе были видны распахнутые ворота. Невдалеке Хаэль устанавливал шатер. Похоже, он опять не спал всю ночь. Отшельник не слышал меня, забивая в землю колья и натягивая ткань, а я сгорала от любопытства, будучи не в состоянии выйти за ворота.

– Я переезжаю? – улыбнулась я старику, когда он, тяжело дышащий, вернулся в убежище.

– И почему ты поставил шатер задней стенкой к воротам? Я же не буду тебя видеть!

– И тебе доброе утро, Дара!

– А я не знаю, доброе ли? Что это означает? Пришел мой срок?

Хаэль погладил меня по волосам, собранным в узел, – Пришел МОЙ срок, девочка!

– А шатер стоит задней частью к воротам, чтобы ты этого не видела.

– Нет! – слезы брызнули у меня из глаз, – Нет! Это неправда! – он прижал меня к себе, – В этом нет ничего ужасного! И я рад, тому, что моя жизнь не была совсем уж пустой.

Он повел меня во двор, – Вот что я хочу сказать тебе, Дара! – мы стояли под голыми ветвями акации,

– Никто не властен ни над началом, ни над концом своего пути. Но можно облегчить бремя расставания остающимся.

– И не переживай, – он потрепал меня по плечу, – Это случится не сегодня. Но позже у меня просто может не хватить сил сделать все, что нужно.

Старик тяжело опустился на лавку, похлопав ладонью рядом, – Присядь, девочка. Мне нужно немного набраться сил.

– На что? – я опустилась рядом, – Ты хочешь что-то рассказать мне?

– Нет, я хочу убыстрить процесс. Путь слов слишком длинный. У меня не хватает на него времени.

И мужчина попросил, – Иди принеси мне воды из колодца. Я, заглянула ему в лицо, – Может я дам тебе воды из кувшина? У нас осталось немного с вечера.

– Нет, – старик был непреклонен, – Достань воду из колодца.

– Мне нужны ведро и веревка. Ты их убрал вчера

– Зачем тебе они? – старик приподнял бровь, – Ты же умеешь притягивать воду.

– Я не умею. Вода больше не слушается меня!

Отшельник поднял насмешливо бровь, – Вода больше не слушается тебя, или ты уверена, что вода больше не слушается тебя?

– А в чем разница?

– В том, что если ты уверена, что не сможешь ее притянуть, – то не сможешь. Ты уже построила себе преграду.

– И как я должна преодолеть эту преграду?

Хаэль усмехнулся, – Нет преграды, Дара. Все существует лишь в твоей голове.

Я встала, сходила за кувшином, – Как знаешь. Но если ты действительно хочешь пить, то вот вода.

Старик, разозлившись, швырнул сосуд на землю, – Ты можешь притянуть воду, Дара! Ты можешь напоить меня!

– Не кричи, Хаэль, у меня малышка начинает биться внутри от твоих криков, – я улыбнулась сквозь злые слезы,

– Прости, но это бесполезно! Раньше внутри меня всегда журчал ручей. Я слышала воду, я была ей наполнена. А теперь там, – я показала на сердце, – Бушуют два огня, – черный и белый. И гул пламени заглушает все остальные звуки.

Он посмотрел на меня сочувственно и притянул к себе, обнимая,

– Попробуй разделить их водой, девочка. Маленькой каплей, тоненькой струйкой. Сначала маленьким ручейком, а потом, совсем разведи их в разные стороны. Услышь свою суть. Лишь это спасёт тебя! Времени больше нет. Тебе очень

скоро потребуются все твои три силы.

– Три? – не поняла я, -

– Свет, Тьма и Воды милосердия.

– Мой дар ушел, – заплакала я, – Я потеряла его.

Он улыбнулся, погладив меня по голове,

– Дар, это ты сама, Дара. Твое свойство. Его нельзя потерять. Оно может закрыться на время чем-то другим, видоизмениться во что-то более мощное. Это случается, когда человек проходит сильные изменения, – и повторил, – Дар, это ты сама, – и вдруг рявкнул на меня:

– Позови воду, Дара!

А потом, почти до вечера я безрезультатно искала внутри себя тот самый ручеек, протягивала руки к колодцу, пытаюсь почувствовать силу своей сути, ранее неотделимой от меня как дыхание. Довела саму себя до истерики и бросила это бесполезное занятие.

Хаэль позвал меня в дом,

– Ты занимаешься ерундой, девочка! Нельзя махая руками сделать то, что делают силой души.

Обессиленная, я опустилась прямо в теплых штанах и меховой жилетке на лежанку. Старик присел рядом, положил руку мне на лоб,

– Отдохни. Я немного помогу тебе!

И мир начал погружаться в туман, размывающий бушующую внутри битву пламени, наполняющий пространство

гулкой пустотой, далеко-далеко внутри которой зародилась капель. Рождаясь в какой-то недостижимой высоте и стекая сверху по невидимым мне ступеням, настойчиво, по капле, пробивал себе путь тоненький ручеек, под звук которого я и заснула.

Глава 20. Свобода

Проснулась я от грохота. Лежанку подо мной резко трянуло, и еще не придя в себя окончательно, подумала, что Хаэль слишком жарко натопил печь. Дышать было нечем.

Слишком мягко, жарко, казалось, что меня завернули в шкуру. Открыв глаза, я поняла, что так оно и есть. И быстро села, оглядываясь.

Вокруг колыхались стенки шатра. Снаружи дико блеяли коза с козленком. Поскрипывали колья, на которых Хаэль закрепил ткань. На мне была вчерашние штаны с жилеткой. Рядом лежал бурдюк с водой, несколько кусков солонины и длинный шарф отшельника, который он наматывал на манер тюрбана, когда уходил в пустыню

В панике я вскочила, отдергивая полог.

Пустыня раскрасилась первыми утренними красками. От земли поднимались клочья тумана. Рядом со входом испуганно блеяли коза с козленком.

Обернувшись, обходя шатер, чтобы посмотреть на убежище, я в ужасе закрыла рот ладонью.

Горел рассветом край неба над горами. Вставало солнце. На расстоянии двадцати-тридцати шагов, прямо передо мной, от места, где должны были быть ворота и до самого подножия горы, глубоко вниз уходил разлом, с краев кото-

рого, внутрь сыпался песок.

Земля еще раз дрогнула, и я не ожидавшая такого сильного толчка, упала. Края разлома сомкнулись. Пыль взметнулась вверх.

– Нет! – закричала я, ударяя кулаком по песку и давясь всхлипом,

– Нет! – мой крик переходил в вой,

– Ты же обещал! – и вспомнила слова Хаэля, – “Это случится не сегодня”.

Захлебываясь слезами, я полезла в шатер и упала на шкуру, прижимая к груди шарф. Он дал мне всего лишь один день, а я не поняла этого.

Когда устав рыдать, осипшая от собственного криков, я осознала, что изменить уже ничего нельзя, то просто заснула, обессиленная.

Мне снился ручей, стекающий с горы. И его журчащий звук, совершенно лишний в этой голой пустыне, вытянул меня из сна, мешая где-то на самой границе восприятия.

Вздохнув и окончательно проснувшись, я попила воды, замотала голову шарфом, так как это делал Хаэль, и решила выйти, чтобы найти эту настойчиво звучащую капель, так мешавшую мне горевать.

Обойдя шатер, я в оцепенении смотрела прямо перед собой. Пыль осела и снова стали видны ступени, как и раньше уходившие вертикально вверх по склону горы. Мне ни разу не пришлось подняться по ним, хотя и очень хотелось. Сейчас

это стало окончательно невозможно.

Откуда-то сверху, накапливаясь и проливаясь по капле вниз, по выдолбленной в горе лестнице, струился ручей, падая в оставшуюся после разлома расщелину, размером в пару шагов, тянущуюся вдоль подножия горы.

Я заглянула туда, – дна видно не было. Из глубины не доносилось ни звука. Дотянуться до воды не представлялось возможным.

Глядя в полном шоке на ручей, падающий в пропасть, я пыталась собраться с мыслями. Что мне теперь делать? Приедут ли за мной? И как быстро? Наверняка, этот случай был оговорен с отшельником, и он смог как-то известить отца. А если не успел? Если отец получил весточку, то я была уверена, что он уже кого-то послал за мной, но от стана сюда путь не близкий. С другой стороны, двигаться самостоятельно, не имея лошади и серьезных запасов воды, – бессмысленно. Да и в какую сторону?

Я решила остаться. Еды мне хватит на несколько дней. Одета я тепло. Если закончится вода в бурдюке, можно попробовать как-то дотянуться до ручья.

Все слезы были выплаканы. Есть не хотелось. Внутри беспокойно толкалась малышка. На шкуре обнаружилась книга, которую я уселась читать, расположившись на входе в шатер.

Подняв в очередной раз голову от страницы, вглядываясь в пустыню в свете полуденного солнца, я увидела вдали небольшое облако пыли. Или мне это кажется?

Было жарко. Жилетку я давно скинула и сидела лишь в штанах, рубашке и тюрбане, и мягких кожаных чунях, которые практически не снимала с ног с тех самых пор, как мне их сшил Хаэль.

Через несколько минут я поняла, что не ошиблась. Ко мне приближалась черная точка, медленно увеличиваясь в размерах. Неужели всадник?

Я вскочила на ноги, держа в руке забытую книгу, до слез вглядываясь вдаль. Кого послал отец? Наверняка, кого-то из братьев.

Рассмотреть мешало солнце, но я поняла, что лошадь мне незнакома. Почему он весь в черном?

– Лохем, это ты? – крикнула я, в этот же миг осознавая свою ошибку. Всадник, приблизившись на расстояние броска, выдернул из ножен кинжал и метнул его в меня.

У меня была лишь доля секунды, и я неосознанно загородилась книгой, выставив руки впереди себя.

Колдун поставил лошадь на дыбы, дико хохоча.

– О, Тьма! Какой маскарад! Я шел по кровной нити, до последнего думая, что ошибаюсь. Мужской костюм кочевников! Где ты пряталась все это время, маленькая княгиня? – он остановил лошадь и спешился.

Я выдернула застрявший кинжал, – На этом ноже моя кровь?

Он оскалился, – Вспомнила его?

– И кровь князя?

Колдун издевательски рассмеялся, – И кровь твоей подружки, – мужчина достал скрученный кнут и взмахнул им, щелкая по земле почти у самых моих ног.

– В этой проклятой пустыне нет ни одной тени! – мужчина сделал еще один шаг ко мне, протягивая руку за кинжалом,

– Отдай мне его. Он мне очень нужен

В моём сердце вспыхнула ярость.

– Мне тоже, – и зафиксировала руку перед замахом, вспоминая все уроки Рама, понимая, что второго шанса не будет.

– Смешная! – Колдун замахнулся, – Этот нож не может послушаться своего хозяина! – и стегнул кнутом со всей силы, рассчитывая удар так, чтобы сбить меня с ног.

Уже понимая, что не успеваю, я резко выбросила вперед руку, посылая в сердце колдуна вместе с ножом всю свою ненависть, страх и боль, накопленные за долгие месяцы.

Боль обожгла щиколотку, и я упала, захлестнутая петлей кнута, ударившись головой о камень.

Глава 21. Возвращение

Лохем подгонял коня. Время близилось к полудню, солнце пекло нещадно. Несмотря на то, что была зима, – за месяц не пролилось ни капли дождя. Казалось, что небо, обрушив летом потоп, закрыло доступ воды на землю.

Хорошо, что Дарин сунул ему два бурдюка с водой. Во время короткой остановки, воин смог напоить коня и попить сам.

Если бы не медальон, данный ему отцом, Лохем бы не поверил, что едет в правильную сторону. Пустыня казалась совершенно незнакомой. Все вокруг было выжжено беспощадным солнцем.

Кроме этого, грудь выжигал ледяной холод жетона, который воин с недавних пор носил на шнурке, по температуре определяя близость колдуна.

Сейчас казалось, что колдун находится совсем рядом от него на одном и том же неизменном расстоянии, где-то впереди.

– Что за чудеса? – спросил себя Лохем уже в который раз, дотронувшись до жетона,

– Как может Колдун быть все-время впереди меня? Не может же он тоже ехать к убежищу? Он никак не определит его расположение.

И вдруг его осенило, – О, Милосердный! – закричал воин и пустил коня в галоп,-

– Нет больше никакого убежища! Он идет по следу Дары.

Вскоре воин стоял у небольшого цветного шатра.

На земле лежало два неподвижных тела, – его сестра, с ногой, захлестнутой петлей кнутовища, и Колдун, в сердце которого торчал кинжал.

– Лихо! – только и промолвил воин. И порадовался, что его сестра не увидит того, что произойдет дальше.

Он осмотрел Дару, и не найдя никаких повреждений, кроме огромной шишки на голове, поднял девушку на руки, и занес в шатер. Сестра дышала. Слабо, едва заметно, но ровно. Казалось, что она стала еще тоньше, прозрачнее. Лохем безрезультатно похлопал ее по щекам, вглядываясь в изменившееся лицо. Кожа загорела почти до черноты. Губы обветрились, скулы заострились. Лишь ее длинные волосы, – гордость всей семьи, – казалось остались прежними. Живот, раздутый шаром, смотрелся неуместно. Мужчина положил на него руку, не веря своим глаза, не принимая того, что он видит разумом. Внутри толкнулся ребенок. Ощущение было странным, невозможным, и почувствовав это неожиданное движение изнутри, Лохем сначала отдернул руку. Но потом, отругав себя, вновь положил ее на живот сестры.

– Все будет хорошо, малыш. Потерпи, – воин встал и вы-

шел из шатра.

Схватив тело колдуна за ноги, он потащил его к видневшейся невдалеке расщелине. Положил у самого обрыва, головой вниз. Вытащил нож из груди. Резанул по яремной вене. Кровь потекла темная, почти черная, капая куда-то в невозможную глубину.

Лохем встал на колени, достал жетон, макнул его в кровь, – О Милосердный! Прими мою боль и эту кровь в искупление справедливости! И пусть никого не запишут в убийцы на небесах, кроме меня! Кровь к крови! Душа да поднимется для нового кругооборота!

Он столкнул тело в расщелину. Туда же швырнул жетон. Встал на ноги, зачерпнув горсть песка, и отходя от края, проговорил, развеивая его по ветру,

– Тела наши прах и пепел. Прости нас, о Неназываемый! И не суди по Справедливости! Лишь по Милосердию!

Раздался грохот. Земля задрожала. С горы посыпались камни. Сначала мелкие, потом более крупные, сметающие все на своем пути. Лохем бросился к шатру. Расщелина сомкнулась.

Обернувшись, мужчина понял, что валуны, катясь с горы, обошли лестницу, со стекающим по ней ручейком, место, где раньше было убежище, и шатер, находящийся на продолжении этой линии, рядом с которым стояла сейчас Дара, зажав

ладонью рот, давая собственный крик, и глядя на происходящее огромными глазами. Это было удивительно и невозможно.

Запоздалый ужас накрыл, и воин упал на колени, благодаря Милосердного за их спасенные жизни, давая обет благодарности и обещая уйти на обучение к одному из старцев. Он знал, что подарки Милосердного это всегда аванс. И подарки эти не делаются просто так. Закончив, он встал и отправился приводить сестру в нормальное состояние.

В путь они отправились лишь на следующее утро.

Лохем хотел убедиться, что с Дарой все в порядке, еще раз смазал её синяки и шишки лечебной мазью, разбудив на рассвете с первыми лучами солнца. Нужно было еще успеть собрать ее шатер и кое-какой небольшой скарб.

– Ты, погляжу, научилась путешествовать налегке, – зубоскалил он, когда на его просьбу, взять лишь самое необходимое.

Дара обмотала шарф вокруг головы и подхватила книгу, с узнаваемой дырой посередине.

Воин нахмурился, показывая на дыру, – Это то, о чём я думаю?

– Да, – ответила просто женщина, – И отдай мне нож, пожалуйста. Он теперь мой.

Ни слова не говоря, мужчина протянул ей кинжал.

– Не порежься. Может возьмешь его, когда приедем домой? Я подарю тебе ножны.

Дара подумала, и убрала нож в книгу.

– Так надежнее.

Через час они тронулись в путь. Лохем после недолгих раздумий взял с собой также шкуры. Неизвестно еще, как сложится путь.

Двигались они медленно. Огромный черный конь легко нес поклажу. Дара ехала верхом, воин шел рядом. К вечеру остановилось на ночлег.

– Милая, сможешь организовать нам воду? Маэр целый день не пил. Да и нам бы помыться.

Девушка грустно покачала головой,

– Нет, Лохем. Воды не будет.

Он неверяще всматривался ей в лицо,

– Так это была правда?

Дара достала кинжал из книги, стала вертеть его за рукоятку, воткнув острие в обложку.

– Все изменилось, правда?

– Да, – кивнул воин, – Вон отец Дарину посох отдать хочет.

Девушка подняла на него усталые глаза,

– Хочет, значит отдаст. Но не сейчас. Рано еще. Зависти много.

– Что это значит?

– Потом поймешь. Давай спать. Я устала, – и она свернулась на шкуре, зажав в руке рукоять кинжала.

– Дара, – шепнул ей воин, – Зачем тебе кинжал? Я рядом. Я буду защищать тебя!

– От этого не защитишь, – прошептала девушка, засыпая. А он еще долго сидел у костра, пытаясь понять, как получилось, что в его простой и ясной жизни вдруг все так запуталось.

В племя они вернулись к полудню следующего дня.

Хаварт встретил их у входа в стан, помог Даре слезть с лошади, пожал руку Лохему, и повел дочь к ней в шатер.

– Отдохни, девочка, – сказал он, распахивая убранное для нее жилище. Сегодня вечером устроим праздник в честь твоего возвращения.

Дара опустилась на циновку под навесом, не входя в шатер, посмотрела вдаль.

– Как ты? – отец стоял рядом, всматриваясь в ее родные, но такие забытые черты лица, – заострившиеся скулы, повзрослевший взгляд, и черное-белое облако Тьмы над головой, как будто сцепившееся своими противоположностями. Внутри этого облака мерцала темная аура ребенка.

– Как она это выдерживает? – подумал он.

Дочь подняла глаза, улыбнулась вымученно,

– Не думаю, что это хорошая идея, отец!

– Какая именно?

– Праздник.

– Почему? Твои братья уже два дня на охоте. Должны были вернуться еще вчера вечером.

– Дарин с ними?

– Да, он очень хотел поймать к твоему возвращению дикую козу. Ты же любишь козлятину.

– Козлятину... – слезы побежали по ее щекам, – Коза, наверное, будет. Хорошо, что не та, которую я отпустила... Коза будет. А праздник вряд ли.

Отец, наклонившись, провел пальцем по ее щеке, стирая влагу,

– Ну, что за глупости? Это твое состояние на тебя так действует. Твоя мама во время беременности тоже всегда была очень чувствительной, – голос его прервался.

Дара схватила его за руку, прижалась к ней щекой,

– Я так скучала, отец!

По его щекам покатались безмолвные слезы; он застыл, прижимая к себе ее голову.

– Я так хотел, чтобы у тебя все было хорошо, моя Йошевет!

Она улыбнулась сквозь пелену,

– Это и было хорошо, отец. Но как ты можешь? Ты, признающий идеальность строения всего мира! Как ты можешь не принимать то, что уготовано мне?

Вождь стоял не двигаясь, глядя её по волосам,

– Я всего лишь человек, Йошевет. Всего лишь человек.

Глава 22. Роды

Я лежала в шатре, вновь и вновь прокручивая в голове события последних месяцев. Как много всего произошло! И как мне к этому относиться? Иногда я снимала браслет князя, проводя пальцем по меткам на руке. Черная полоса не потускнела, не закрылась белой. Казалось, они все больше и больше переплетались, образуя равномерный узор. И я знала, что это значит.

Шкуры, выделанные Хаэлем, которые Лохем свалил на циновку под навесом, я занесла внутрь, и теперь валялась на них бездумно вертя в руках кинжал, что уже входило у меня в привычку, то доставая его из ножен, то снова пряча. Ножны эти, сделанные Краем, походили на небольшой изящный мешочек, изогнутый с одной стороны, точно по форме ножа, в который был вставлен осколок солнечного камня. Мне их принес Лохем, подвесив на небольшой кожаный пояс. Внезапно, привлеченная шумом, я села. Что бы это могло быть? Встала, прицепила кинжал к поясу, отодвинула полог.

К шатру отца, где под навесом сидели мужчины, приближались Гарон с Рамом, в окружении ребятишек. Между мужчинами, привязанная к шесту за ноги, болталась туша козы. В руках Рам нес тряпку.

Я опрометью выскочила из шатра, бросаясь им наперерез,

нарушая все правила, крикнула раньше, чем отец успел открыть рот,

– Где Дарин?

– И тебе здравствуй, сестра, – мужчины остановились, уставившись на мой живот,

– Ты беременна? – Гарон почесал нос

– Значит Дарин не обманул? – Рам выглядел растерянным.

– Где он?

Мужчины опустили свою ношу на землю, подошли к шатру вождя.

Гарон нахмурился, – Не нужно было брать его с собой. Не охотник он. Мы оставили его сторожить припасы. А когда вернулись, – нашли лишь кусок его рубахи, – брат протянул отцу окровавленную тряпку.

– Возможно горный лев утащил его, – Рам стоял, опустив голову.

Ноги мои подкосились, и я осела на землю рядом с тушей козы. Слезы хлынули из глаз.

Лохем подскочил ко мне, поднимая меня на ноги,

– Нет, нет! Ни в коем случае! Не волнуйся! Он найдется! Обязательно найдется! – и повел меня в шатер.

Я забила в его руках, закричала дико, разворачиваясь к братьям, – Вы злодеи! Вы всегда ему завидовали! Как вы посмели поднять руку на брата?

Вождь поднялся на ноги, – Уведи ее отсюда Лохем, – она

не в себе.

Я вывернулась, бросилась перед ним на колени,

– Открой глаза, Вождь! – и закричала, показывая на тушу козы,

– С проси их, когда убита эта коза, и почему у нее стреножены ноги?

Отец стал чернее тучи. Потом рывкнул, – Лохем! Я сказал, – убери ее отсюда!

Воин подхватил меня рыдающую на руки, понес к моему шатру,

– Успокойся, милая! Он найдется!

Я прижалась к нему, обхватив за шею, рыдая, уткнувшись лбом в его могучее плечо,

– Он не найдется! Не найдется!

И вдруг закричала, выгибаясь у него на руках, от безумной, рвущей меня пополам боли.

Лохем изменился в лице, развернулся к шатру отца,

– Зовите повитуху, быстро!

И опустил меня на циновку у входа,

– Йошевет! Смотри на меня! Успокойся! Ты сильная! Все будет хорошо!

Я тяжело дышала, пытаюсь успокоить истерику, чувствуя, как нарастает внутри меня очередной спазм. Внутри, в такой же истерике, билась малышка.

Меня перенесли в шатер повитухи. Бабушка суетилась вокруг меня, не переставая приговаривать и нашептывать. при-

готовила какой-то отвар, заставила меня его выпить. Посидела немного рядом, ощупывая и поглаживая мой живот,

–Ты сильная девочка, Йошевет! И гораздо сильнее той боли, которую нужно перенести. Рожать тебе еще рано. Но чему суждено быть, – от того не отвертеться.

Повитуха поставила на огонь большой чан, крикнула помощниц, чтобы натаскали ей воды, потом начала готовить чистые тряпки, какие-то инструменты, вернулась вновь ко мне, услышав, как я вскрикнула от очередной схватки.

– Послушай, моя хорошая! – бабушка опустилась рядом, взяла меня за руку, – Роды начались слишком рано и идут слишком быстро. Постарайся успокоиться. Твоей малышке нужна помощь. А ты пугаешь ее.

– Хорошо, – я облизала пересохшие губы, – я постараюсь.

Бабушка улыбнулась, – Вот и ладненько! – и протянула мне кружку, – Попей, милая, мы постараемся все сделать быстро.

Быстро не получилось. Схватки продолжались всю ночь и почти весь следующий день, увеличиваясь по продолжительности и силе, сводя меня с ума, но больше ничего не происходило. Боль сводила меня с ума. Воды так и не отошли.

Повитуха начала поить меня обезболивающим настоем, пытаясь периодически развернуть ребенка,

– Она не сможет выйти, Йошевет, если мы ей не поможем.

Бабушка в очередной раз ощупывала мой живот, – Девоч-

ка лежит неправильно, ее время еще не пришло. Ты понимаешь, милая? Без тебя у меня ничего не получится, – она внимательно смотрела мне в глаза.

Давай ее еще слегка повернем, – повитуха в очередной раз заставила меня встать, замереть, опираясь ей на плечи,

– Дыши, милая! Расслабься и просто дыши, – и начала, слегка встряхивая мои бедра, как бы подкручивая их, разговаривать с малышкой. Голос ее, мерный и тихий, обволакивал меня, одуревшую от боли, вселяя уверенность, которую я давно уже не чувствовала.

Умница! – повитуха обрадовано улыбнулась, когда я, давно осипшая от собственных криков, уставшая от раздражающих меня схваток, вдруг завывла каким-то низким, утробным воем, чувствуя, что ребенок внутри меня вдруг развернулся головой вниз и рванулся наружу, разрывая меня изнутри. По ногам моим хлынула вода.

Дальнейшее я помнила плохо, подчиняясь лишь гипнотическому голосу повитухи, живя на этом волоске своими остатками сознания, пытаюсь не уйти в забытье.

Раздался детский крик. И хотя он был слабым и больше напоминал мяуканье котенка, я поняла, что все закончилось.

– Ах какая чудная девочка пришла к нам на закате! – повитуха подняла над головой что-то мокрое, красное, сморщенное, измазанное чем-то бело-зеленым. От ребенка ко мне тянулась, пуповина, похожая на толстую веревку.

– Я поздравляю тебя с дочерью, Йошевет! Дай ей молока!

– повитуха обтерла девочку, завернула её в ткань и положила к моей груди.

Я выплыла из тумана, глядя на черноволосую малышку, лежащую рядом со мной,

– У меня же нет молока, – прошелестела сухими губами,

– И не будет, если ребенок не начнет сосать грудь, – повитуха приподняла ребенку подбородок, помогая найти сосок.

Девочка была совсем крохотная, багрово-синяя, сморщенная, и смотрела на меня очень осмысленно, огромными голубыми глазами.

– Какая ты красавица! – прошептала я, заливаясь слезами счастья и облегчения, – Ты самая-самая красивая на свете! – шептала я, целуя ее в лоб и не подозревая, что когда-то такими же словами встречали в этом мире меня. Малышка нащупала губами сосок и сладко причмокнув несколько раз, – заснула.

Повинуясь внезапному порыву, я сняла дрожащими пальцами с шеи медальон с черным камнем и надела на малышку.

– Тебя будут звать Данали! – прошептала я,

– Ты соединишь в себе Свет и Тьму, научишь этот мир терпимости, и будешь самая красивая на свете! – я молилась той первобытной женской молитвой, которую говорят все роженицы, когда Милосердный дает спуститься в мир душе, – молитвой благодарности за эту крохотную жизнь и готовности перенести любые мучения за счастье держать на руках собственного ребенка.

Все расплывалось перед глазами.

Звон в ушах нарастал, мне казалось, что мир наполняется светом, и я поднимаюсь к нему все выше и выше, глядя сверху вниз на саму себя, лежащую на низкой широкой лежанке, на малышку, прижатую ко мне, на повитуху, вдруг заголосившую что-то в полный голос, хватющую тряпки и начинающую их подсовывать под мои бедра, на вбежавших в шатер помощниц, начавших суетиться вокруг лежанки,

– Странно, почему так много крови? – подумала я, растворяясь в этом ярком, теплом все заполняющим собой свете.

Глава 23. Решение

Где то на границе сознания мухой жужжала мысль, – настойчиво, неотвязно. Веки казались тяжелыми, будто слипшимися. Губы пересохли. Я с трудом разлепила глаза. На входе в шатер, спиной ко мне, на коленях стояла повитуха, молясь Неназываемому. Полог шатра был откинут. Выходило солнце.

– Бабушка? – голос казался шелестом.

Женщина вскочила на ноги, бросаясь ко мне, – Девочка моя! Ну, слава Милосердному! – из глаз ее брызнули слезы.

– Что случилось?

– Все хорошо! Теперь все будет хорошо! – она схватила кружку, поднося к моим губам, – Попей, Дара! Все закончилось.

Я начала пить, вдруг поняв, что мне мешает, – Что закончилось, бабушка? Где моя дочь?

Она вливала в меня напиток, – Я все расскажу тебе, моя хорошая. Все расскажу, когда проснешься.

В следующий раз меня разбудил напевный голос повитухи и запах еды. Она стояла вокруг меня, окуривая каким-то дымом. Рядом на столе дымилась похлебка.

– Я чувствую себя хорошо! – я слабо улыбнулась, – Кончай колдовать! Лучше помоги мне сесть и принеси малышку.

Повитуха закончила обряд, принесла мне мокрую холстину, чтобы обтереться.

Глаза её были уставшими, движения суетливыми. Я впервые задалась вопросом, – сколько ей лет.

– Бабушка, ты плохо выглядишь! Ты сидела рядом со мной всю ночь?

Повитуха приподняла меня, напихав под спину подушек, подала миску,

– Три ночи.

Я поперхнулась похлебкой, закашлявшись, – Три ночи?

– Не страшно, моя хорошая, – у женщины тряслись руки.

– Главное, что мы тебя вытащили. Считай у Милосердного из рук.

– Меня? А где Данали?

Бабушка грустно улыбнулась,

– Ты покушай сначала.

–Нет! Принеси мне ее! Я уже устала спать и кушать. Я хочу видеть свою дочь!

– Тебе нужно сначала поговорить с Вождем, Дара.

– Где..Моя.. Дочь? – моим голосом можно было резать металл.

– Дара, – повитуха сжала губы, опустила глаза, – давай я позову отца!

– Или принеси мне ребенка или говори! – страх придал мне сил. Я смотрела на нее, понимая, что ничего хорошего не услышу, но как маленький ребенок, требуя получить же-

лаемое немедленно.

Повитуха подняла на меня измученные глаза,

– Малышка родилась раньше срока.

– Где она?

– Она была очень крохотной и слабой.

– Я хочу ее видеть!

– В ней была огромная сила Тьмы.

– Я не верю!

– У нас нет темных, которые могли бы питать ее.

– Что вы с ней сделали?

– Вождь не мог провести Ритуал без твоего согласия.

Я хотела, чтобы она произнесла уже эти слова. Все ее двусмысленности не проникали в мое сознание. Хаварты никогда не лгали. Я хотела услышать правду,

– Что с ней произошло? Ты скажешь или нет?

– Ее больше нет с нами, Дара! – повитуха кусала губы. В почерневших глазах стояли непролитые слезы.

У меня перехватило дыхание.

– Бабушка, что ты такое говоришь? Когда у тебя в последний раз умер младенец?

Повитуха застыла столбом, – губы, как единая скорбная линия, руки сжаты в замок; она казалось, боялась произнести еще хоть слово.

Медленно, помогая себе руками, я слезла с топчана, встала, и как сомнамбула побрела к выходу.

Старуха, словно отмерев, бросилась мне наперерез,

– Давай я позову Вождя!

Я отодвинула ее, вышла наружу и побрела по направлению к своему шатру. Бабушка суетилась рядом. – Тебе нельзя ходить! Ты потеряла слишком много крови! Мы едва остановили кровотечение!

Слезы застилали глаза. Спрятаться. Мне нужно спрятаться от всех.

У входа в шатер сидел Вождь. Увидев меня, он встал, делая шаг навстречу, но я развернулась и пошла к себе. Как он мог допустить это? Или он сделал это специально?

В сердце прорастала острой чернотой ненависть, но как ни странно, я не чувствовала потерю. Почему? Я слишком мало знала свою малышку? Я плохая мать? В висках набатом бился пульс, а в груди застыл лёд.

Задернув полог, -опустилась на шкуры. Теперь никто не мог войти ко мне, но я никого и не хотела впускать.

Я слышала, как они приходили и топтались на циновке у входа, то вместе, то по одному, пытались что-то сказать. Лжецы.

Я чувствовала этот яд, но не понимала, в чем он. На циновке мне оставляли еду, воду, и, хотя аппетита не было, нужно было набираться сил.

На третий день, бездумно глядя в темнеющее небо в прорехе над очагом, – я сняла браслет с руки, посмотрела на сплетенные змейкой две мерцающие силой противоположности. Посмотрела и поняла, что ничем не отличаюсь от всех

остальных. Отец не виноват. Это я не принимала свое предназначение.

“Дом жены в доме ее мужа”, – казалось, что Хаэль стоит за спиной.

Оставалось лишь придумать, как это сделать.

Глава 24. Княгиня

Через неделю я почувствовала себя достаточно окрепшей, чтобы выйти на улицу, хотя мне по-прежнему не хотелось никого видеть.

Целыми днями я читала, или тренировалась в метании ножа. Он как будто прилипал к ладони, ложась в нее так точно, как будто был изготовлен под мою кисть. И рукоять его и лезвие были черными, впитывающим в себя свет.

Вылетал он из руки стремительно, подчиняясь как будто не силе броска, а направлению мысли. Все это завораживало меня, как и то, что он казалось нашептывал мне, когда я достаточно долго держала его в руках.

Пока у меня не было сил, находиться в шатре было просто, но чем дальше, тем навязчивее становилась картина, всплывающая в моей голове, стоило мне закрыть глаза. И я уже готова была заниматься чем угодно, лишь бы не видеть крохотную новорожденную черноволосую девочку с огромными голубыми глазами.

Почему бабушка сказала, «Ее больше нет с нами, Дара!»

Что кроется за тем, что она обратилась ко мне внешним именем? Смерть дочери не затрагивает мою сущность? Почему я не чувствую боль утраты? Внутри лишь тоска, рвущая сердце. Может быть я просто схожу с ума, выдумывая

себе то, чего нет?

Стоило же мне заснуть, как я начинала слышать голоса, стоны, эхо каменных мостовых. Я прикладывала руку к камню и слышала дыхание Черного города.

Приходил отец. Постоял, обнимая меня,

– У тебя будут еще другие дети, Дара!

Я вырвалась и ушла в шатер.

Бабушка продолжала поить меня отварами и лечить заговорами. Я никому не верила. Даже если бы мне показали могилу, – не поверила бы все равно. Разговаривать я ни с кем не хотела, общаясь лишь с Лохемом, который ходил за мной попятам.

Обмануть его никогда не получалось. Стоило мне выйти из шатра, как он тут же пристраивался следом.

Я в кузницу к Краю, – и он в кузницу. Я к источнику, – и он тут же.

– А тебе, что здесь нужно, Лохем, или ты боишься, что я утоплюсь в колодце?

– Просто решил составить тебе компанию, сестренка! Я единственный, кого ты не гонишь, – это было правдой. Лишь его голубые глаза казались мне честными. Глаза убийцы. Я видела, как он перерезал горло Колдуну. Но он хотя бы не прячется за всеми этими лживыми словами.

Наступил день, когда пребывание мое в племени стало настолько тягостным, что я решила сбежать. Нужно было лишь

подгадать, когда Лохем вновь отправится на поиски Дарина. Он уезжал практически ежедневно, если только не был в карауле- то один, то со своим отрядом, и прочесывал окрестности без отдыха, хотя и безрезультатно. Лойд вместе со своей женой и их малышкой тоже куда-то исчезли. Но это было к лучшему. Не знаю, как я бы выдержала сейчас детский смех.

Ночью стан покинуть было нельзя. Утром, на виду у всех, – тем более. Глаза отводить, как Рам, – я не умела. Пришлось ждать времени смены караулов на рассвете.

Просыпались мы рано. После утренней молитвы все разом приходило в движение. Пришлось собраться заранее.

В последний предрассветный час я выскользнула из шатра и спряталась за камнем недалеко от выхода. Над станом плыла молитва благодарности Вождя за то, что племя благополучно пережило ночь, никто не умер и не пострадал. Все. Можно идти. Защита убрана. Я шагнула за пределы стана. Хорошо, что сегодня туман. Оказывается, ночью в пустыне шел дождь. Внутри мы этого не чувствовали, накрытые Благодаратью.

Предрассветная мгла рассеивалась. Вот и дорога. И тут же, из тумана раздалась фыркание коня и голос Лохема.

– Дара, это ты?

Я бросилась обратно. Как он мог узнать, что я выйду сюда? Сердце

заколотилось в груди.

– Дара, остановись. Я не враг тебе.

Пришлось остановиться.

Лохем подъехал ближе,

– Ты собралась туда, куда я думаю?

Я подняла голову, глядя на него в упор,

– Пусти меня, брат. Ты не сможешь меня удержать.

– Я не враг тебе, – повторил мужчина, – Я твой защитник. Но зачем сбегать вот так, в темноте, как будто ты совершаешь что-то постыдное? Почему не попрощаться со всеми, как положено?

– Я должна уйти, Лохем. И мне не с кем прощаться.

– Жаль, что ты уходишь в таком настроении, Дара. Но если твой настрой действительно такой категоричный, то я сам отвезу тебя. Только пообещай, что когда у тебя ничего не выйдет, то мы вернемся.

– Что не выйдет? – спросила я все еще не веря, что брат обо всем догадался.

– Не смотри на меня так! Я там был сто раз. Города нет.

– Что значит, – нет?

– З алезай, сама все увидишь, – и брат подхватил меня, наклоняясь, и усаживая впереди себя.

– Держись крепче, сестренка, – и он пришпорил коня.

Я стояла посреди пустыни перед двумя валунами. Сзади на коне гарцевал воин.

– Ты уверен, что вход в Город находился здесь, Лохем?

– Да, эти два камня лежали по обе стороны от ворот.

Я обошла их вокруг, постучала по одному камню, попинала другой. За спиной хмыкнул брат.

– Хочешь, я слезу с коня, и мы вместе его попинаем?

– Нет. Хочу, чтобы ты отъехал подальше.

– Боишься, что я помешаю тебе?

– Боюсь, что вообще не разрешишь.

– Дара, мне нечего разрешать. Города нет!

Я обернулась, – Сто шагов. И не оборачивайся!

– Ладно, но потом возвращаемся в стан. Договорились? – и поехал, не дожидаясь ответа.

Я достала нож, посмотрела за спину на первый луч солнца.

– Именем княгини! По праву жены! – и резанула ножом ладонь так, как уже не раз видела во сне, окропляя его кровью, и дальше, единым взмахом разрезая пространство между валунами.

А потом шагнула вперед.

Лохем, как и обещал, отъехав на сто шагов, развернул коня и оторопел. Вставало солнце. Ветер налетал холодными порывами, перехватывая дыхание. Перед ним была пустыня. Пустыня, единственным существом в которой, насколько хватало глаз, – был он сам.

Он подскакал к валунам, спешил, начал осматривать их еще и еще раз. Достал осколок солнечного камня, второй частью которого были инкрустированы ножны Дары. Камень ощущался холодным. Сестры не было поблизости. Возмож-

но ли, что ее затянуло в песчаную воронку, или она провалилась в разлом, который был невидим ранее? Лохем перебирал вариант за вариантом, запрещая себе принять лишь один. Дара вошла в Город.

Город, из которого нет выхода.

Лохем сел на землю, обхватил голову руками и завыл без слез, как воют собаки, ощущая самую большую утрату в своей, теперь ставшей бессмысленной, жизни.